

ЧУЖОЙ ДОЛГ НА МОЁМ ЛИЦЕ

— С —

МИРА РАНСКАЯ

Мира Ранская

Чужой долг на моём лице

«Автор»

2026

Ранская М.

Чужой долг на моём лице / М. Ранская — «Автор», 2026

В княжестве Лики неоплаченный долг переходит потомку вместе с чертой лица кредитора. Когда деревенская травница Велена Рудь замечает в зеркале чужую складку, цех объявляет: её мать купила зерно ценой семи будущих лекарских лет дочери. Каждое новое требование отнимает у Велены ещё часть внешности, голоса и способности лечить. Но магия обмена знает не печать, а правду: обе стороны должны понимать предмет, цену и срок. Вместе с взрослой падчерицей Дарой, пострадавшими семьями и учениками цеха Велена разбирает старые записи и узнаёт, кто годами оплачивал телом скрытые условия. Чтобы остановить новые взыскания, ей придётся отказаться от привычки решать за близких, лишить старшину монополии на чужие обещания и принять, что даже закрытый долг не всегда возвращает прежнее лицо. «Чужой долг на моём лице» — ремесленное фэнтези о телесной самостоятельности, семейном молчании и честной цене помощи.

© Ранская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Лицо в медном блюде	6
Глава 2. Деревня у трёх границ	13
Глава 3. Цена полыни	21
Глава 4. Наследник кредитора	29
Глава 5. Старшина обменов	37
Глава 6. Чужой подбородок	48
Глава 7. Лекарство, которое лжёт	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мира Ранская

Чужой долг на моём лице

От автора

Мы привыкли думать о долге как о числе. Его можно записать, сложить, разделить между наследниками и однажды вычеркнуть. Но долг почти никогда не остаётся только числом. Он меняет голос человека, его походку, привычку смотреть в глаза и право распоряжаться собственным будущим. Иногда дети получают в наследство не дом и не сундук, а чужое обещание, о котором им никто не рассказывал.

В мире этой книги такие обещания становятся видимыми. Неоплаченный долг оставляет на лице потомка черту кредитора, а всякая магия требует честного обмена: обе стороны должны знать, что отдают, что получают и когда расчёт будет завершён. Это простое правило оказывается неудобным для тех, кто привык решать за других ради их же пользы.

«Чужой долг на моём лице» — история не о том, что любой долг дурен. Люди помогают друг другу, делятся зерном в голодный год, лечат, учат ремеслу и принимают помощь, которую невозможно вернуть той же мерой. Беда начинается там, где благодарность незаметно превращается в обязанность, а цену прячут до тех пор, пока отказаться уже нельзя.

Главная героиня, травница Велена Рудь, умеет взвешивать корни и сушёные листья, но не умеет делить с близкими право на решение. Чтобы вернуть себе собственное лицо, ей придётся узнать цену не только старых цеховых записей, но и своей заботы. Потому что честный обмен невозможен без честного ответа на два вопроса: кто назвал цену и кто действительно согласился её платить.

Глава 1. Лицо в медном блюде

К полудню жар у Ярека стал таким сильным, что мальчик перестал отдёргивать руку от холодной ложки. Велена приложила металл к его запястью и держала, пока ложка не согрелась. Потом перевернула. На вогнутой стороне дрожал кусочек окна, белое лицо ребёнка и её собственный глаз.

— Не спит, — шепнула мать Ярека. — Только лежит так.

— Я вижу, Ная.

Велена сказала это резче, чем хотела. Третий день над деревней висел сухой ветер с восточной заставы, и в лечебнице всё пахло пылью: половицы, чистые тряпицы, даже вода в накрытом кувшине. От пыли першило горло. Усталость тоже першила, только глубже.

Она убрала ложку и разжала мальчику веки. Белки были чистые, без красных нитей. Живот мягкий. На шее под левым ухом набухла железа размером с лесной орех. Не болотная лихорадка и не дурная вода. Скорее всего, воспалённое горло, которое Ярек терпел, пока мог глотать.

— Рот открой.

Мальчик не послушался. Ная наклонилась над ним:

— Слышишь тётку Велену? Открой, соколик.

На слово «соколик» Ярек едва заметно поморщился. Значит, слышал. Велена надела большим пальцем под подбородком, дождалась слабого вдоха и быстро вставила между зубами гладкую палочку. Горло внутри было красное, с двумя белыми точками на миндалине.

— Когда заболел?

— Вчера к вечеру.

— Когда пожаловался?

Ная потёрла костяшкой нос.

— Ночью. Я думала, от ветра. Дала молока с мёдом.

— Молоко больше не давай. Воду — часто, по два глотка. Если вырвет, всё равно пои.

Дара!

Из кладовой донёсся стук деревянной крышки.

— Слышу.

— Малиновый лист, липовый цвет, кора белой ивы. И маленький медный ковш.

— Ива кончается.

— Знаю.

Дара вошла, придерживая локтем три банки. Высокая, широкоплечая, в старой рубаше отца, она двигалась по тесной комнате так, словно заранее договорилась со всякой табуреткой и полкой. Банки ни разу не звякнули. Только медный ковш на её пальце тихо качнулся.

— На один отвар осталось, — сказала она и поставила кору перед Веленой. — Если скупо.

— Не скупо. Сколько нужно.

Дара посмотрела на Ярека, потом на Наю. Вопрос был не о коре, и обе женщины это поняли.

Велена вытерла ладони о передник.

— Мы с Наей договорились весной. Если в доме будет тяжёлая болезнь, я лечу всех четверых. За это её братья до первых дождей чинят крышу над сушильной. Дожди через две недели. Верно, Ная?

Мать мальчика кивнула слишком быстро.

— Верно.

— Предмет обмена? — спросила Дара.

Она задавала три вопроса с тех пор, как научилась писать долговые строки. Поначалу Велена улыбалась её важности. Теперь отвечала серьёзно: магии было всё равно, кто старше.

— Лечение семьи в тяжёлой болезни, — сказала Велена.

— Цена?

— Починка крыши сушильни силами братьев Наи.

— Срок?

— До первых осенних дождей.

Дара повернулась к Нае.

— Ты знаешь то же?

— Знаю. Всё так.

Слова прозвучали ровно, но Ная сжала руки под фартуком. По ткани прошёл короткий хруст. Будто там была бумага или сухая кожа.

Велена заметила движение и решила, что женщина принесла цеховую расписку. В последнее время люди совали расписки даже за пучок мяты: боялись, что долговой столб запомнит одно, а староста другое. Она не стала спрашивать. Жар у Ярека поднимался.

Дара отмерила воду. Велена растёрла в ступке кору, добавила листья и цветы, бросила щепоть соли. Обычный отвар мог облегчить боль и сбить жар сам по себе, если тело ещё не истощилось. Но честно названный обмен пробуждал в растениях другое свойство. Ива помнила прохладу воды, липа — тень, малина — силу, с которой молодой побег вырывается из земли. Травница не приказывала им. Она связывала то, что знали обе стороны: помощь сейчас, работа потом, срок, после которого обещание либо исполнено, либо нарушено.

Пар поднялся из ковша. Велена накрыла его ладонью, не касаясь края.

— Я даю лечение от жара и воспалённого горла, — произнесла она. — Не обещаю, что Ярек встанет сегодня. Не обещаю, что обойдётся без второго отвара. Обещаю смотреть за ним до выздоровления или позвать лекаря из крепости, если болезнь окажется сильнее моего умения.

Она посмотрела на Наю.

— Ты и твои братья чините крышу сушильни до первых дождей. Не весь дом. Не жилую крышу. Только сушильню: заменить три гнилые жерди, закрыть две прорехи, промазать северный скат глиной. Согласна?

— Согласна.

Вода в ковше дрогнула. По поверхности разошёлся зелёный круг, хотя ни один лист не всплыл. Дара медленно выдохнула.

Обмен был принят.

Велена процедила настой через полотно и дала Яреку первую ложку. Он закашлялся, часть стекла по подбородку. Вторую удержал. На третьей открыл глаза.

— Горько, — сказал он.

Ная закрыла рот ладонью. Из глаз у неё сразу потекли слёзы.

— Горько — значит, язык работает, — ответила Велена. — Ещё две.

Мальчик выпил и отвернулся к стене. Велена смочила ткань, положила ему на лоб и велела матери сесть. Ная не села. Она стояла у изголовья, будто ребёнок мог провалиться сквозь тюфяк, если не удерживать его взглядом.

Через четверть часа жар начал спадать. Сначала на виске Ярека выступила одна крупная капля, потом намокли волосы. Он попросил воды и выпил три глотка вместо двух. Ная рассмеялась, сразу же испугалась своего смеха и перекрестила ему лоб.

Велена понесла ковш к умывальному столу. В боку ныло от долгого сидения, пальцы пахли ивой. Хорошая работа имела вес: усталость после неё была почти приятной. Она знала, что будет дальше. К вечеру мальчик уснёт настоящим сном. Ночью жар может вернуться, но уже слабее. Утром она осмотрит горло и решит, нужен ли новый сбор.

Позади зашуршала ткань.

— Я не с пустыми руками, — сказала Ная.

Велена обернулась. Женщина вытащила из-под фартука небольшой холщовый мешочек, стянутый красной нитью, и положила на край стола. Мешочек осел тяжело и мягко.

Дара развязала его раньше, чем Велена успела спросить. На тёмном дереве блеснули серые крупинки.

— Соль, — сказала Дара.

— Две меры. Хорошая, с южных воев. Возьмите.

Велена почувствовала, как прежняя приятная тяжесть в спине собирается в тугой узел.

— За что?

— За лечение.

— Мы назвали цену.

Ная покосилась на тюфяк. Ярек уже закрыл глаза, но губы его шевелились: считал трещины на стене или повторял их разговор.

— Братья не придут, — тихо сказала она. — Один ушёл с обозом к Рудным воротам. Второго цех нанял на мост. Они сказали, до морозов не отпустят. А соль вам нужна. Дара сама говорила на торгу.

— Я говорила, что соль подорожала, — отрезала Дара. — Не что мы меняем на неё договор.

— Две меры стоят больше починки.

— Для кого больше? — спросила Велена.

Ная непонимающе моргнула.

— Для всякого. Спросите на торгу.

— Я спрашиваю не торг. Я спрашиваю тебя. Ты знала утром, что братья не придут?

Женщина опустила голову.

Этого было достаточно.

Велена взяла мешочек за горловину и протянула Нае. Та не приняла.

— Я же не обманываю цену. Соль дороже.

— Дело не в дорожке.

— Какая вам разница? Крышу можно нанять починить. Продадите половину, ещё останется.

— Разница в том, что ты знала одно, а сказала другое.

Ная отступила. Лицо у неё стало упрямым, почти злым — так злятся люди, которым стыдно при больном ребёнке.

— Я сказала, потому что иначе вы бы не стали лечить.

— Стала бы.

— Но велели бы сначала идти к Даре, переписывать строку, искать свидетеля. А он горел.

Велена хотела возразить и не смогла сразу найти честных слов. Да, она стала бы лечить. Но сперва выяснила бы, что Ная может дать, и непременно объяснила бы, почему две меры соли не заменяют рук на крыше. На это ушло бы время. Немного — четверть часа, может быть, половина. Возле ребёнка в жару любая половина часа кажется преступлением.

— Ты могла сказать у двери, — произнесла Дара.

— Могла. Не сказала.

В ковше что-то щёлкнуло.

Все трое повернулись на звук.

Остаток настоя, мутный от мелкой травяной пыли, быстро светлел. Зелёный оттенок исчезал от краёв к середине, словно вода замерзала прозрачным льдом. Потом со дна поднялось единственное белое волокно и лопнуло на поверхности.

Ярек застонал.

Велена была возле него прежде, чем Ная успела вскрикнуть. Кожа мальчика снова стала сухой. Жар возвращался не постепенно: под ладонью лоб наливался теплом, как камень у огня. Велена выругалась, сорвала ткань и велела Даре нести чистую воду.

— Это из-за соли? — Ная метнулась следом. — Возьмите крышу. Возьмите что угодно. Я скажу братьям, они уйдут с работ.

— Теперь уже не говори лишнего.

— Но он же выпил!

— Настой сработал на том, что мы обе считали правдой. Ты знала, что цены не будет. Скрыла это. Сила вернула помощь назад.

— Куда назад?

Велена не ответила. Она сама ещё не понимала. Обычно нечестный обмен просто не ожидал: вода оставалась водой, трава — травой. Болезнь тогда шла своим чередом, и приходилось надеяться на обычные свойства растений. Но этот настой принял договор. Он сбил жар, а затем отступил, словно кто-то выдернул нить из готового шва.

Дара принесла таз. Они обтирали Ярека водой, поили с ложки, меняли горячую ткань. Велена заварила второй сбор без обменных слов — меньше ивы, больше липы, немного сушёной смородины. Обычный, слабый, зато не связанный обещанием.

Мальчик проглотил две ложки и снова затих.

— Беги к Миرونу, — сказала Велена Нае. — Проси лошадь. Если через час жар не пойдёт вниз, повезём в крепость.

— Я его не оставляю.

— Тогда побежит Дара, а ты будешь делать всё, что она скажет.

— Я пойду, — сказала Дара. — Мирон мне быстрее даст.

Она уже накидывала через плечо платок.

Велена поймала её за запястье.

— Сначала открой большую банку с синей меткой. Отсыпь четверть меры в дорожный мешок.

— Это крепостному лекарю?

— Это цена за осмотр, если поедет. Пусть обе стороны знают заранее.

Дара задержала на ней взгляд. Велена увидела в нём страх, но не только за мальчика. Падчерица тоже слышала щелчок в ковше и видела, как сила сначала пришла, а потом ушла. Такого в их лечебнице не случалось ни разу.

— Сделаю, — сказала она.

Когда дверь за Дарой закрылась, Ная опустилась на табурет. Мешочек соли остался на столе. Велена хотела снова сунуть его женщине, но пальцы не разжались. Ладонь свело, как от холода.

Она поставила мешочек и растёрла кисть. Боль поднялась к локтю тонкой горячей полосой. Наверное, долго держала ступку. Или слишком резко таскала таз. Сейчас было не до себя.

— Скажи всё, — потребовала Велена. — Кто дал соль?

— Купила.

— На какие деньги?

— Накопила.

— Ная.

Женщина посмотрела на сына.

— Цех дал. Не даром. Я буду мыть в зерновом сарае после смены, пока не отработаю.

— Срок?

— Не знаю. Пока старший не скажет, что хватит.

— Цена без срока.

— Ярек горел! — Ная вскинула голову. — Что мне было делать? Братья не идут, денег нет, цех даёт соль. Вы сами всё время твердите про честную цену, а попробуйте честно заплатить, когда ребёнок горит. Честность тоже для тех, у кого есть запас.

Велена отступила, будто Ная толкнула её. Ответ уже был готов: запас лечебницы создавали годами; Дара считала каждый корень; сама Велена лечила и за дрова, и за работу, и вовсе без платы, если человеку нечего было дать. Но под этими доводами лежала неприятная правда. У Велены был шкаф с запасом. У Наи не было даже часа.

— Цех знал, зачем тебе соль?

— Писарь спросил. Я сказала.

— И предложил расплатиться без срока?

— Он сказал, честному работнику срок не нужен.

На этот раз щёлкнуло не в ковш. Велена услышала тихий треск у себя во рту, словно лопнула сухая ягода. Горячая полоса дошла до плеча, пересекла шею и остановилась возле губ.

Она провела языком по зубам. Все были на месте. Но левая щека онемела.

Ная встала.

— Что с вами?

— Сиди возле сына.

— У вас рот...

Велена отвернулась и подошла к умывальному столу. Над ним висело неглубокое медное блюдо. Дара каждое утро наливала туда воду, чтобы умываться перед работой, а потом выливали на грядку с мятой. Сейчас на дне оставалось на палец воды. В ней отражалось окно, балка потолка и лицо Велены.

Сначала она решила, что медь исказила черты. Старое блюдо выгибало прямые линии и делало нос широким. Велена подняла его обеими руками и повернула к свету.

Угол рта слева опустился. Не сильно, но чуждо. От губы к подбородку легла глубокая складка, которой утром не было. Велена коснулась её. Палец ощутил борозду в коже.

Она помнила такую складку.

За неделю до смерти старый Тверд Лозан приходил в лечебницу за каплями для сердца. Ростовщик уже почти не ходил, двое внуков носили его на стуле. Он смотрел на людей снизу вверх и кривил левый угол рта, будто всякий ответ заранее оказывался хуже долга. Складка прорезала его щеку точно в том месте, где теперь лежал палец Велены.

Тверд умер девять лет назад.

— Это от болезни? — спросила Ная за спиной.

Велена опустила блюдо. Вода качнулась, и чужая складка на миг распалась.

— Нет.

— Я видела такое у Пашки-мельника. После отцовского долга у него бровь стала как у сборщика. Но ведь вы ничего не брали у Тверда.

— Не брала.

— Тогда почему?

Велена ещё раз посмотрела в медь. Левая половина лица принадлежала ей: серый глаз, обветренная кожа, тонкий шрам у виска от лопнувшей бутылки. И всё же возле рта уже поселилось выражение человека, которого она терпеть не могла.

В дверь ударили кулаком. Ная вздрогнула. Велена поставила блюдо и открыла.

На пороге стояла Дара, запыхавшаяся, с распустившимся платком. За ней Мирон держал под уздцы рыжую кобылу.

— Лекарь в крепости, — сказала Дара. — Мирон довезёт за полчаса. Я собрала травы и плату.

Она шагнула в комнату и замолчала.

Велена знала, что падчерица заметила перемену. Дара замечала, если банка стояла на полпальца левее своего места. Но сейчас она лишь крепче сжала дорожный мешок.

— Ярек? — спросила она.

— Жар держится. Везём.

Они завернули мальчика в одеяло. Мирон взял его на руки, Ная полезла в телегу следом. Велена передала ей бутылку воды и повторила, сколько давать в дороге. Мешочек соли она тоже сунула Нае.

— Верни цеху.

— Они не возьмут.

— Тогда не работай ни часа, пока тебе не назовут срок и всю цену.

— А если не назовут?

Велена коснулась чужой складки.

— Значит, это не обмен. И кто-то другой уже платит за него телом.

Телега тронулась. Колёса подняли пыль, кобыла недовольно мотнула головой. Велена смотрела им вслед, пока дорога не опустела.

— Покажи, — сказала Дара.

— Нечего показывать.

— Ты держишь рот так, будто тебе больно.

— Онемело немного.

Дара взяла её за подбородок. Велена могла отстраниться, но не стала. Большой палец падчерицы прошёл вдоль складки.

— Это лицо Тверда Лозана.

— Я знаю.

— Ты была ему должна?

— Нет.

— Отец?

— Нет.

— Твоя мать?

Велена ответила не сразу.

Мать никогда не говорила о долгах. В голодный год, когда Велена была маленькой, в доме однажды появилось зерно. Мать сказала, что заработала его травами. Потом семь лет уходила каждое лето за дальний перевал и возвращалась с руками, исцарапанными до локтей. Это могло быть обычной работой. Могло быть платой. Велена не знала, потому что не спрашивала.

— Не знаю, — сказала она.

Дара отпустила её подбородок.

— Тогда пойдём к долговому столбу.

— Сначала вымоем лечебницу. Потом дождёмся вестей из крепости.

— Велена.

— У нас больной ребёнок и испорченный настой.

— У нас твоё лицо меняется.

Велена подняла с пола мокрые тряпицы и бросила в таз. Кожа на щеке натянулась. Чужая складка делала даже молчание презрительным.

— Лицо никуда не уйдёт за час, — сказала она. — А грязная вода протухнет.

Дара хотела спорить, но взяла второй край таза. Они вынесли воду во двор вместе. У порога Велена споткнулась о камень, который лежал там много лет. Дара удержала таз и её локоть.

Ни одна не произнесла, что Велена всегда переступала этот камень не глядя.

К вечеру от крепости прискакал Мирон. Ярек был жив, лекарь вскрыл воспаление в горле и оставил мальчика с матерью на ночь. Жар снова пошёл вниз, на этот раз без магии. Велена выслушала весть, отдала Мирону обещанную мазь для кобылей ноги и закрыла ставни.

Потом они с Дарой зажгли две свечи и поставили медное блюдо на стол.

Чужая складка стала глубже.

Рядом с ней, почти у самого подбородка, проступала маленькая ямка — ещё одна черта, которой Велена не помнила на своём лице.

Дара принесла книгу домашних обменов. Велена — связку материнских записок, много лет пролежавших в сундуке под зимними одеялами. Между ними поставили пустой ковш.

— С чего начнём? — спросила Дара.

Велена разломила печать на первой материнской записке.

— С того, что мне не рассказали цену.

Глава 2. Деревня у трёх границ

В первой записке не оказалось цены.

Не было там и долга, и имени Тверда Лозана. Мать писала, что за Дальним перевалом ещё лежит снег, хотя в низинах уже цвела медуница; что ночами корни прострела приходится держать под рубахой, иначе они теряют силу; что Велена должна слушаться тётку и не лазить на старую иву. Последнее было подчёркнуто дважды.

Во второй записке мать просила сушить зверобой в тени. В третьей обещала вернуться к первому сенокосу. Потом шли короткие перечни: синяя горечавка, смола белой пихты, три горсти каменного мха. Ни в одном письме не говорилось, кто послал её за перевал и что она получила взамен.

Велена перечитала все листки до рассвета. Под конец буквы расплывались, свеча тонула в собственном воске, а чужая ямка у подбородка зудела так, будто под кожей застряла травяная ость.

Дара сидела напротив и листала домашнюю книгу обменов. Книга начиналась уже после голодного года. На первых страницах стоял почерк отца Дары, размашистый и неровный. Тогда лечебницы ещё не было: он менял плотницкую работу на крупу, обувь, холст. Позже между его строк появились аккуратные пометки Велены о травах. После его смерти почерк остался один, а ещё через три года рядом с ним возникли тонкие буквы Дары.

— Здесь пусто, — сказала Велена, откладывая последнюю записку.

— Не пусто. Семь лет за перевалом подтвержаются.

— Я это и без писем помнила.

— Память нельзя показать цеховому писарю.

Велена потёрла глаза. На Дару она смотрела словно через тёплую воду. За ночь та успела разобрать счета по годам, перевязать каждый десяток страниц своей нитью и выписать отдельно всё, где встречалось зерно. Велена успела только прочесть материнские письма и трижды ощупать лицо.

— Поспи хотя бы до солнца, — сказала она.

— А ты?

— Поставлю воду. Утром придут люди.

— Значит, я поставлю воду, а ты поспишь.

Велена уже поднялась. От долгого сидения затекла спина, и разогнуться удалось не сразу.

— Мне сейчас не до сна.

— Мне тоже.

Они посмотрели друг на друга через стол. Когда Дара была ребёнком, подобные споры заканчивались просто: Велена называла дело, Дара дулась и делала. Потом падчерица выросла, но привычка Велены осталась прежней. Она замечала это редко — обычно в ту минуту, когда приказ уже был произнесён.

— Тогда ты ставишь воду, — сказала Велена. — Я переберу коренья для утренних сборов.

— Коренья перебрала вчера.

— Проверю.

Дара устало усмехнулась.

— Конечно.

До восхода лечебница жила звуками, которые Велена знала лучше птичьих голосов. Скрипнула дверца печи. Застучал нож Дары, нарезавшей вчерашний хлеб. Засыпались в весы сухие ягоды. В медном рукомойнике плеснула вода. Велена открывала банки, нюхала, растирала щепотки между пальцами и ставила обратно. Всё было разложено правильно. На каждой

крышке углём стоял остаток, рядом Дара мелко приписала, на сколько обычных порций его хватит.

В банке с корой ивы оставалось меньше трети.

— Ты вчера отдала Мирону больше четверти меры, — сказала Велена.

— Ровно четверть.

— Здесь должно быть больше.

Дара, стоявшая у печи, даже не обернулась.

— Позавчера ты дала настой старухе Леме и не записала.

Велена вспомнила опухшее колено Лемы и маленькую кружку, которую наполнила на глаз.

— Там была горсть.

— Две с половиной. Я взвесила остаток вечером.

— Для одной кружки две с половиной много.

— Вот поэтому я и считаю.

Велена закрыла банку. Можно было сказать, что она двадцать лет знает меру пальцами. Можно — что больное колено не ждёт, пока кто-нибудь найдёт перо. Оба ответа были правдой и оба ничего не меняли: запас оказался там, где предсказала Дара.

— Закажем кору в Бережках, — сказала Велена.

— Уже заказала. Две меры за починку трёх корзин. Ладко подтвердил вчера на торгу, привезёт через шесть дней.

— Почему не сказала?

Теперь Дара повернулась.

— Сказала. Ты велела не брать молодую кору и пошла к Нае.

Велена не помнила разговора. Возможно, в это время она уже думала о жаре Ярека. Или о том, что крыша сушильни течёт и братья Наи сделают работу лучше деревенских мальчишек. Она провела пальцем по чужой складке. От лёгкого прикосновения та заныла.

— Молодую не бери, — повторила она.

— Я записала это в условие.

В дверь постучали ещё до восхода.

Первой пришла Лема со своим коленом. Следом кузнец привёл ученика, которому искра попала под веко. Потом явились две сестры с одинаковой сыпью на руках, а за ними пастух с порезом на стопе. Люди теснились на лавке, ставили у стены корзины и свёртки, переговаривались вполголоса. Весть о лице Велены уже прошла по Черемховой Заводи, но все старались смотреть куда угодно, только не на её рот.

Деревню называли Заводью не из-за тихой воды. Река возле неё как раз была быстрой и мелкой, вся в камнях. Просто здесь задерживалось всё, что гнали через три границы: соль из южных мест, железо с восточных рудников, шерсть с княжеских пастбищ. На западном холме кончались земли князя Ликова. За рекой начиналась вольная полоса, где каждая община сама отвечала за мост и дорогу. А за северным лесом стояли межевые камни Горного союза. Если встать на крыше лечебницы, можно было увидеть три сторожевых дыма и ни одного правителя.

Зато сборщиков было по одному с каждой стороны.

Поэтому в Заводи умели различать четыре веса соли, три меры полотна и два способа назвать одну и ту же телегу, чтобы не платить за неё дважды. Меновой цех вырос здесь раньше новой часовни. Он обещал единые расписки там, где законы менялись за полдня пути, и поначалу люди благодарили его за каждую ровную строку.

Велена тоже благодарила. Когда умер муж, цех подтвердил, что его плотницкие долги не переходят к Даре: все работы были исполнены, свидетели названы. Без цеховой печати трое заказчиков непременно потребовали бы с девочки ещё по двери или лавке. Велена помнила это

и потому не позволяла себе считать Савера Края обычным вымогателем. Обычные вымогатели не спасали сирот от чужой лжи. Они и деревенские склады не наполняли перед ледоходом.

Но обычные вымогатели хотя бы не притворялись весами.

Дара усадила Лему возле окна, кузнечного ученика повела к свету, остальным раздала глиняные дощечки с зарубками. Никакой очереди Велена прежде не заводила. Кто громче стоял, того и смотрела первым. Дара однажды сказала, что громче всех стонет не всегда самый больной, и нарезала десять дощечек. Теперь на каждой кроме числа стоял знак: глаз, капля крови, огонь, кость. Ученик получил глаз и прошёл раньше старухи, хотя пришёл позже.

— Не трогай, — сказала Велена, раздвигая ему веки. — Дара, чистую ткань и тонкий крючок.

Ткань уже лежала рядом. Крючок Дара грела над пламенем.

— Он не в глазу, — сказала она. — Под верхним веком.

— Я вижу.

— Тогда не нужен крючок. Вымоем.

Велена хотела возразить из одного упрямства. Кусочек окалины блестел у самого края века, и достать его было легко. Но рука после вчерашней судороги всё ещё отзывалась покалыванием. Если ученик дёрнется, крючок причинит больше вреда, чем железо.

— Вымываем, — решила она.

Дара подставила таз, кузнец удержал голову мальчика. Тёплая вода с солью пошла по щеке. После третьей кружки чёрная крупинка упала на белое полотно.

Ученик заморгал и заулыбался.

— За осмотр и воду принесёте два куска мягкого угля, — сказала Велена кузнецу. — Сегодня до заката.

— Один мешок мелкого, — одновременно с ней произнесла Дара.

В комнате стало тихо.

Кузнец переводил взгляд с одной на другую. У него были широкие плечи и осторожность человека, который привык торговаться с тремя сборщиками сразу.

— Так два куска или мешок?

— Мешок, — сказала Дара. — Мелкий уголь нужен для сушильни. Мы это обговорили на прошлой неделе: мелочь с его двора за перевязки ученикам до конца месяца.

— Я не подтверждаю, — сказала Велена.

— Подтверждала. Поставила ноготь вот здесь.

Дара вынула из-под книги узкую дощечку. На воске возле имени кузнеца темнел полумесяц от ногтя Велены. Та вспомнила: кузнец пришёл, когда она растирала мазь, руки были в жире, и она не захотела брать перо.

— Один мешок мелкого, — повторил кузнец с явным облегчением. — Сегодня до заката. За перевязки моим ученикам до конца месяца.

Он знал, что отдаёт. Дара знала, что принимает. Срок был назван. В тазу вода едва заметно посинела, и воспалённое веко ученика перестало дрожать.

Велена увидела это. Увидели и люди на лавке.

— Значит, Дара решает? — спросила Лема.

Старуха не пыталась поспорить их. Она хотела понять, чьё слово считать настоящим, чтобы лечение не обернулось, как вчера у Ярека.

— Дара ведёт припасы и записи, — ответила Велена. — Я решаю, как лечить.

— А цену кто?

— Мы обе, — сказала Дара.

— Я подтверждаю окончательно, — добавила Велена.

Дара медленно положила дощечку на стол.

Лема покачала головой.

— Это не обе.

Кто-то на лавке кашлянул, пряча смех. Велена почувствовала, как чужая складка тянет угол рта вниз. Теперь любое её молчание выглядело недовольством, даже если она просто думала.

— Цена касается запасов, — сказала Дара. — Значит, без моего согласия её не будет. Лечение касается больного. Значит, без согласия Велены его не будет. Два согласия.

— Вот теперь обе, — заключила Лема и протянула ногу для осмотра.

До полудня они работали почти без перерыва. Сёстрам помог отвар крапивы и запрет трогать щёлок голыми руками. Пастуху Велена промыла порез, Дара заставила его выбросить грязную тряпицу, которой он обматывал стопу. Леме подобрали новую мазь, но обещанной платы не взяли: старуха напомнила, что весной уже отдала две корзины лука за помощь до первого снега. Дара нашла запись и признала её правоту.

Велена трижды ловила на себе взгляды. Кузнец смотрел на ямку у подбородка. Одна из сестёр — на складку возле губ. Пастух уставился так открыто, что Дара заслонила Велену плечом, будто случайно потянувшись за банкой.

— Спрашивай, — не выдержала Велена.

Пастух покраснел.

— Оно болит?

— Болит.

— Чьё?

— Складка Тверда Лозана. Ямку не знаю.

По лавке прошёл шорох. Имя умершего ростовщика в Заводи произносили редко. При жизни Тверд сидел у переправы и давал в долг тем, кого разворачивали сразу три сборщика. Одним он спасал товар, другим — посев. Потом приходил за платой и помнил каждую отсроченную горсть. После смерти его дом перешёл внукам, а лицо продолжило ходить по деревням частями: чья-то бровь, чья-то мочка уха, тяжёлое веко мельника Пашки.

— У тебя же не было его крови, — сказала Лема.

— Долг идёт не по крови, а по дому, — возразил кузнец. — Кто наследовал крышу, тот и принимает.

— Она материн дом не наследовала. Там давно крапива.

— Землю наследовала.

— Землю община забрала за пустошь.

Они заговорили разом, перебирая чужие судьбы с деловитостью людей, привыкших искать долг раньше родства. Велена вытерла руки и сняла передник.

— Хватит. Если столб назвал запись, мы её увидим.

— Не назвал, — сказал пастух.

— Что?

— На столбе вашего имени утром не было. Я гнал коз мимо.

— Моего и сейчас может не быть.

Пастух отвёл глаза.

— Там проступило другое. Похоже на Рудь. Только имя старое.

Дара уже завязывала книгу ремнём.

— Чьё имя?

— Меланья Рудь.

Велена не сразу поняла, почему все замолчали. Имя показалось звуком из детства, окликом через двор. Мать звали Меланьей, но после её смерти никто не произносил это имя рядом с Веленой. Говорили «твоя мать», «старая травница», «та, что ходила за перевал». Будто имя тоже ушло вместе с ней.

— Когда проступило? — спросила Дара.

— Пока мы здесь сидели, видать. Мальчишка с площади прибежал, шепнул. Велена повесила передник обратно.

— Закроем лечебницу после последнего.

— Последняя Лема, — сказала Дара.

— Тогда после Лемы.

— Я уже намазана, — сообщила старуха и встала. — Идите. Если упаду по дороге, принесу колено завтра.

Люди вышли вместе с ними. В Заводи любая новость двигалась толпой, а новость о старом долге двигалась особенно быстро. Пока Велена и Дара спускались от лечебницы, к ним присоединились пекарь, две ткачихи, перевозчик и трое детей. У колодца женщины перестали полоскать бельё. Сторож у соляного сарая вышел за ворота, хотя не имел права оставлять весы.

Долговой столб стоял посреди площади между часовней и цеховым домом. Его вытесали из серого камня ещё до того, как княжество получило название. Камень был гладким от ладоней. Внизу шли старые трещины, залитые оловом; вверху торчали три железных обруча, по одному от каждой границы. Цех уверял, что столб лишь показывает подтверждённое людьми и печатями. Сельские старухи говорили иначе: камень помнит даже то, что писари сожгли.

Обычно на нём виднелось пять или шесть имён. Буквы проступали тёмными жилками, рядом обозначались знак кредитора и срок. Когда долг исполняли, надпись бледнела за день. Если должник умирал, не расплатившись, имя наследника появлялось ниже, а на его лице в ту же неделю менялась первая черта.

Сегодня вокруг столба оставили пустой круг.

Велена вошла в него одна. Дара шагнула следом.

На северной стороне, обращённой к лесу, тянулась свежая строка. Камень вокруг неё был влажным, хотя дождя не было. Велена прочитала имя матери. Ниже стояло её собственное.

Меланья Рудь.

Велена Рудь, принявшая дом и ремесло.

Справа темнел знак Тверда Лозана: раскрытая ладонь с монетой на середине. Под знаком не было ни суммы, ни предмета обмена. Только семь коротких насечек и одна длинная черта, похожая на дорогу через гору.

— Семь лет, — прошептала Дара.

— Или семь мер.

— Дорога — перевал.

Велена приложила ладонь к строке. Камень оказался тёплым. Чужая складка возле губ заболела так резко, что у неё потемнело в глазах. Она отёрнула руку.

В толпе ахнули.

Под именами проступила новая буква. За ней вторая. Тёмная влага медленно складывалась в слово, но дошла лишь до середины: «ле...» — и остановилась.

Лекарство. Лето. Лет. Лес. Любое из этих слов могло стоять ей лица.

— Где писарь? — спросила Дара.

— За Савером послали, — ответил кто-то.

Дверь цехового дома была закрыта. На ней висела медная печать старшины, хотя в обычный полдень писари держали обе створки распахнутыми. Рядом на крюке не оказалось молотка, которым должник просил прочитать полную запись. Даже скамью убрали под навес.

— Они знали, — сказала Дара.

— Не обязательно.

— Закрыли дом среди дня, сняли молоток, а писаря нет. Они знали.

Велена снова посмотрела на незаконченное слово. Ей хотелось согласиться. Тогда страх получил бы виновника, а гнев — направление. Но лечебница научила её не называть болезнь по одному пятну.

— Узнаем, когда откроют книгу.

— Если откроют.

— Откроют.

— Потому что ты попросишь?

В голосе Дары не было насмешки. Это звучало хуже — как настоящий вопрос.

Из толпы выступил мельник Пашка. Его левое веко нависало над глазом тяжёлой складкой Тверда. Рядом с Веленой сходство стало таким явным, что люди снова зашептались.

— Мне тоже не сразу открыли, — сказал он. — Три дня ждал у двери. Потом Савер показал строку из отцовской книги: мука за семенное зерно. А отец клялся, что отдал всё ещё до моей свадьбы.

— Свидетели были?

— Были. Двое умерли, третий ослеп. Цех сказал, память слепого слабее печати.

— Почему ты раньше не говорил? — спросила Дара.

Пашка пожал плечами.

— Кому? Все видели глаз. Решили, раз лицо взяло, значит, камень прав.

Велена оглянулась на людей. Она лечила большинство из них. Знала, у кого ломит поясницу перед дождём, кто боится крови, кто тайком разбавляет молоко. Но не знала, сколько чужих лиц они носят и какие объяснения получили за закрытой цеховой дверью.

— Кто ещё ждал книгу дольше дня? — спросила она.

Поднялись четыре руки.

Потом шестая.

Потом Лема, подошедшая последней, подняла обе — одну за себя, вторую за умершего брата.

— И всё-таки сначала твоя запись, — сказала Дара тихо. — Иначе они спрячут её глубже.

Велена хотела ответить, что цех не сможет спрятать строку, которую уже показал камень. Потом вспомнила пустые материнские письма, закрытую дверь и соль, выданную Нае без срока. Спрятать можно было не имя. Достаточно спрятать цену.

Со стороны южной дороги послышался стук копыт. Толпа расступилась, ожидая Савера Края, но на площадь въехал молодой цеховой посыльный. Он придерживал у груди кожаную сумку и старался не смотреть на столб.

— Старшина прибудет завтра к полудню, — объявил он. — До его приезда никто не должен касаться камня и толковать неполную запись.

— Мы уже коснулись, — сказала Дара.

Посыльный заметил Велену и побледнел. Его взгляд прилип к складке у её рта.

— Вам велено вернуться домой.

— Кем велено?

— Старшиной.

— Он знает, что на столбе?

Юноша сжал сумку.

— Мне велено передать только это.

Велена подошла ближе. Лошадь попятилась, и посыльный натянул поводья. Чужое выражение на её лице, должно быть, напоминало Тверда сильнее, чем ей хотелось.

— Тогда передай Саверу мой ответ. Завтра к полудню здесь будут все, кому не открыли запись в тот же день. Пусть принесёт книги Тверда Лозана за голодный год и следующие семь лет.

— Старшина сам решит, какие книги нужны.

— Решит Дара, — сказала Велена.

Падчерица резко повернула голову.

Велена продолжила, прежде чем успела забрать слова назад:

— Она ведёт наши записи и припасы. Если цех утверждает, что унаследован долг дома и ремесла, без неё разговора не будет.

Дара ничего не сказала. Только встала рядом — не за плечом, как обычно, и не впереди, заслоняя её от взглядов.

Посыльный уехал. Толпа не расходилась, пока стук копыт не затих на южной дороге.

На камне тем временем выступила ещё одна буква. Незаконченное слово теперь читалось как «лек...».

Велена прижала язык к зубам, удерживая дрожь. Лекарство. Лекарский труд. Лекарь. Семь насечек. Семь лет матери за перевалом.

Она вдруг поняла, что утром снова сделала то же самое: увидела опасность и решила, что сама определит, сколько правды выдержит Дара. Спрятала бы страх, отдала распоряжение, потом назвала это заботой. Чужая складка была на лице, но этот жест принадлежал ей самой.

— Ты сказала, что решаю я, — произнесла Дара, когда люди начали расходиться.

— Какие книги нужны — да.

— А окончательно подтвердить должна ты?

Велена посмотрела на неё. Дара устала не меньше, чем она: под глазами залегли тени, на рукаве осталась крупинка угля, волосы выбились из косы. В лечебнице она уже давно делала половину работы. Только право на ошибку Велена оставляла себе, а право на решение называла защитой.

— Нет, — сказала она. — Если запись касается запасов и нашего труда, подтверждаем обе. Два согласия.

— Вот теперь обе.

Это были слова Лемы, но Дара произнесла их без улыбки.

Они вернулись к лечебнице верхней дорогой. Отсюда Заводь лежала как раскрытая ладонь: дома вдоль трёх трактов, переправа, склады, тёмная крыша цеха. На каждом тракте виднелся пограничный знак, и за каждым действовали свои законы. Велена много лет думала, что лечебница стоит между границами и потому никому не принадлежит.

Теперь долговой столб утверждал обратное. Её ремесло уже было вписано в чужую книгу, начатую до того, как она научилась читать.

У порога Дара подняла утреннюю дощечку кузнеца и повесила на гвоздь. Потом разделила чистый лист пополам. Слева написала: «Что говорит цех». Справа: «Что знала Меланья».

— Вторую половину мы не заполним, — сказала Велена.

— Тогда запишем то, что она делала. Семь лет. Все письма, все растения, все дороги. Поступки тоже свидетельствуют.

Велена положила рядом материнские записки.

За окном площадь уже опустела, но серый столб было видно между крышами. На его северной стороне темнели два имени и слово, которое пока не решилось стать полным.

Велена взяла перо.

— Пиши: в первый год принесла прострел и каменный мох. Вернулась до сенокоса. Руки были целы.

Дара записала.

— Во второй?

Велена закрыла глаза. Теперь ей требовалось вспомнить не рассказы матери, а то, что та пыталась скрыть: как держала чашку обеими ладонями, как не могла завязать волосы, как ночью стонала во сне.

— Во второй вернулась позже. На руках были порезы до локтя. И не позволила мне их лечить.

Перо Дары остановилось.

— Почему?

— Сказала, что лечение уже оплачено.

Они посмотрели друг на друга.

На площади глухо ударил камень — будто из его глубины выломилась ещё одна буква.

Глава 3. Цена полыни

До вечера они восстановили только два года из семи.

Первый держался на письмах: прострел, каменный мох, возвращение до сенокоса. Второй — на памяти Велены о порезанных руках. Дальше начинались обрывки. Мать приносила растения, которые не росли по эту сторону перевала, иногда возвращалась к осени, иногда появлялась уже после первого снега. В один год она привезла полынь с серебристым изнаночным листом и велела не тратить её на обычную лихорадку.

— Она называла эту полынь сторожевой, — сказала Велена.

Дара подняла голову от листа.

— В словаре запасов её нет.

— Давно закончилась.

— Когда?

— До твоего рождения.

— На что ушла?

Велена не помнила. В детстве материнский шкаф казался ей лесом, где банки возникали и исчезали сами. Она знала запахи, но не считала остатки. Серебряная полынь пахла холодным железом и долго оставляла горечь под языком. Мать заваривала её однажды, когда у самой Велены был жар, а потом ещё кому-то — кажется, женщине с северного хутора.

— Запиши только то, что знаем, — сказала она.

Дара начертила строку и оставила конец пустым.

На улице сгущались сумерки. После бессонной ночи и утреннего приёма всё тело Велены стало тяжёлым. Она читала материнскую записку и замечала, что третий раз возвращается к одной фразе. Дара тоже клевала носом, но упрямо держала перо.

— Заканчиваем, — сказала Велена.

В дверь ударили так, что с полки звякнули пузырьки.

Дара вскочила первой. На пороге стоял Мирон. За его спиной Ная, бледная и растрёпанная, прижимала к себе Ярека. Мальчик был завернут в крепостное одеяло, на шее белела свежая повязка.

— Лекарь велел оставить его до утра, — сказала Велена.

— Велел, — ответила Ная. — Потом пришёл цеховой человек и сказал, за место надо платить крепостной мерой. У меня нет. Лекарь спорил, но нас выписали.

— Почему не позвали меня?

— Я послал мальчишку, — сказал Мирон. — Тот вернулся: лечебница закрыта, вы на площади.

Велена отступила, пропуская их. Ярек сам поднял голову, значит, сил у него было больше, чем вчера. Но глаза блестели, дыхание шло часто. Ная положила сына на тюфяк, и он сразу свернулся на боку.

— Горло? — спросила Велена.

— Болит меньше. Лекарь промыл, дал порошок. Сказал поить и следить за жаром.

— Когда снова поднялся?

— На обратной дороге.

Дара уже грела воду и развязывала повязку. Разрез под челюстью выглядел чистым, сильного отёка не было. Велена приложила ладонь ко лбу мальчика. Горячий, но не так, как вчера. После вскрытия воспаления это могло случиться. Тело ещё боролось, и не всякий жар требовал магии.

— Будем поить и наблюдать, — решила она. — До полуночи не спадёт — Мирон снова повезёт в крепость.

— Ворота закрывают, — сказал Мирон. — После темноты пропустят только с цеховой подвеской.

— У тебя есть?

— Была. Весной отдал за право возить через мост.

Ная опустила возле тюфяка.

— У меня есть лекарство.

Она достала из-за пазухи плоский свёрток. В полотне лежала полынь — не обычная, сизая и пыльная, а почти белая с изнанки. Даже сухие листья блестели, словно их окунули в лунный свет.

Велена узнала запах прежде, чем коснулась.

Холодное железо. Горечь под языком.

— Где взяла?

— Цех дал.

Дара перестала лить воду.

— Тот же писарь?

— Другой. У крепости. Я вернула соль и сказала, что не буду мыть без срока. Он забрал мешок. Потом увидел Ярека и дал траву. Сказал, она сбивает возвратный жар.

— За что дал?

Ная протянула дощечку с цеховой печатью.

На воске было выведено: «Две меры соли возвращены. Прежнее обязательство погашено. Лекарская трава передана без платы по милости менового цеха».

Дара прочла вслух и перевернула дощечку.оборот был чист.

— Без платы? — спросила Велена.

— Так он сказал при лекаре. Лекарь слышал.

— А тебе отдельно говорил что-нибудь?

— Спросил имя, деревню, чей сын. Потом увидел вашу траву в дорожном мешке и спросил, кто платил лекарю. Я сказала, вы.

— Ещё?

— Ничего.

Велена взяла полынь. Листья были собраны правильно: верхушки до цветения, стебель не толще швейной иглы. Такой сбор мог снизить жар и без обменной силы, но давать его ребёнку следовало по крупинке. Материнская полынь исчезла много лет назад, однако цех почему-то держал ту же траву у крепости.

— Заварим обычный настой, — сказала Велена. — Без обмена.

— Почему? — Ная прижала ладонь к груди. — Здесь печать. Написано, без платы.

— Милость — тоже слово о цене. Я не знаю, что под ним спрятано.

— Но Ярек горит.

— Пока не опасно.

— Вчера вы тоже сказали, что он выдержит дорогу.

Велена почувствовала укол вины, хотя вчера именно она настояла на крепостном лекаре. Матери больного ребёнка не нужна была справедливость задним числом. Ей требовалась уверенность сейчас.

Дара положила дощечку на стол.

— Можно проверить не на нём.

— Как?

— Заварить две чашки. Одну как обычную траву. Вторую — по записи. Посмотреть, примет ли обмен.

— Чашка не болеет.

— Зато сила меняет воду. Мы увидим круг.

Велена хотела отказать. Любая проверка тратила редкую траву, а Яреку могла понадобиться вся. Но если запись была честной, одна щепоть сберегла бы остальное: пробуждённой полыни требовалось меньше. Если лживой — лучше узнать до того, как ребёнок выпьет.

— Три листа, — сказала она. — Не больше.

Дара поставила рядом две одинаковые чашки. В обе налила воду из одного ковша. Велена растёрла два листа, разделила поровну. В первую чашку бросила траву молча. Вода стала серо-зелёной, запах разошёлся по комнате.

Над второй Дара положила цеховую дощечку.

— Предмет — сторожевая полынь для Ярека, — сказала она. — Цена отсутствует. Срок отсутствует, потому что платы нет.

Велена посмотрела на Наю.

— Ты знаешь то же?

— Да.

— Цех передал траву по милости, не требуя работы, денег, товара или будущей услуги?

— Да.

Голос Наи дрогнул на последнем слове. Велена заметила, но не остановила опыт. Она опустила полынь в воду.

По поверхности разошёлся серебряный круг.

Дара резко вдохнула. Мирон перекрестился. Даже Ярек приоткрыл глаза на свет, который будто поднялся со дна чашки.

Обмен ожил.

— Значит, запись правдива, — сказала Ная.

Велена не ответила. Вчерашний настой тоже ожил.

Она дала мальчику одну ложку из второй чашки. Потом выждала, дала воды. Через четверть часа жар начал отступать. На лбу выступил пот, дыхание стало ровнее. Ярек разжал кулак и попросил хлеба.

Ная заплакала. На этот раз тихо, не отрывая взгляда от сына.

— Ещё не кормить, — сказала Велена. — Если удержит воду, дадим размоченную корку.

Дара накрыла обе чашки полотном и подписала их кусочками угля: простая, цеховая. После этого пододвинула Велене дощечку.

— Печать настоящая.

— Вижу.

— Если сила пришла, обе стороны знали одно и то же.

— Или решили, что знали.

— Есть разница?

Велена посмотрела на Наю. Та сидела, прижав пальцы к губам. На лице у неё было облегчение, но под ним оставалось что-то ещё — напряжение человека, который ждёт вопроса.

— Ты сказала не всё, — произнесла Велена.

— Всё.

— Тогда почему боишься?

— Потому что вчера соврала, а вы теперь в каждом слове ищите второе дно.

Это было справедливо. Велена отступила и занялась повязкой. Возможно, она увидела ложь там, где остался только стыд. Возможно, цех действительно иногда отдавал редкое лекарство бесплатно. Савер Край любил, когда его милость замечали, но замеченная милость всё равно могла спасти ребёнка.

Ярек уснул. Жар снижался. Мирон ушёл поставить лошадь под навес, Ная задремала на лавке. Велена велела Даре лечь хотя бы на час и получила в ответ такой взгляд, что спорить не стала. Они сидели по разные стороны тюфяка, слушая дыхание мальчика.

Около полуночи Дара поднялась долить воды в ковш и наступила на пустое крепостное одеяло. Под её ногой хрустнула ткань.

— Что там?

Ная проснулась мгновенно.

— Ничего.

Дара провела пальцами по подкладке. В одном месте шов был свежим, нитка отличалась цветом. Она взяла маленькие ножницы.

— Не режь, — сказала Ная.

Слишком быстро.

Велена почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Почему?

— Одеяло крепостное. За порчу заставят платить.

— Шов уже распорот.

Дара поддела нитку. Из подкладки выпала узкая полоска кожи, сложенная втрое. На ней стоял тот же знак цеха, что на дощечке, но без большой печати. Текст был процарапан иглой.

«Получившая милость обязуется по первому зову доставить в цех травницу Велену Рудь для подтверждения наследственного обмена. До исполнения всякая помощь считается выданной в счёт лекарского дома».

Дара прочла один раз. Потом второй.

Ная закрыла лицо ладонями.

— Ты знала? — спросила Велена.

— Писарь велел зашить в одеяло.

— Ты знала слова?

— Он прочитал.

— Все?

— Все.

— И когда я спросила, говорил ли он что-нибудь ещё, ты ответила: ничего.

— Он сказал, это не цена за траву. Просто помощь цеху. Я должна привести вас завтра, а вы всё равно собирались на площадь.

— Привести по первому зову — это условие.

— Но вам же не трудно прийти!

— Дело не в трудности.

Ная вскочила. В глазах у неё снова появилась вчерашняя злость.

— Вам легко говорить. У вас мальчик лежит не свой. Если цена — попросить вас прийти туда, куда вы и так пойдёте, какая разница? Я не продаю вас. Не связываю. Просто скажу писарю, что вы пришли.

— А слова «всякая помощь в счёт лекарского дома» ты поняла?

Ная молчала.

— Поняла? — повторила Дара.

— Он сказал, это для порядка.

— Он прочитал тебе строку или объяснил своими словами?

— Прочитал. Потом объяснил.

В тюфяке зашевелился Ярек.

Велена приложила ладонь к его лбу и отшатнулась. Кожа снова наливалась жаром. Не постепенно, как после болезни. Тепло шло от шеи вверх быстрой волной, той же, что вчера. Мальчик застонал, пот на висках высох.

Под полотном щёлкнула чашка.

Дара сорвала ткань. Серебряный круг исчез. Вода стала мутной, а на дне лежал чёрный осадок.

— Вернулось, — прошептала Ная.

— Не после того, как ты узнала условие, — сказала Велена. — Ты знала его раньше. Вернулось после того, как знание стало общим для нас.

— Но обмен был между мной и цехом. Вы тут при чём?

Дара подняла кожаную полоску.

— Потому что ценой сделали наш дом и труд Велены. Спрятали от той стороны, которой собирались платить.

Ярек закашлялся. Велена велела спор прекратить. Они сняли с него рубаху, обтерли грудь, дали простой настой — из первой чашки, где не было ни милости, ни печати. Дара выбежала за Мироном. Ная держала сына и повторяла, что не хотела вреда.

— Я знаю, — сказала Велена. — Держи его прямо.

— Я думала, если запись приняла...

— Я тоже.

Эти слова дались тяжелее обвинения. Велена видела серебряный круг и позволила себе поверить печати. Не потому, что доверяла цеху, а потому, что хотела получить сильное лекарство для ребёнка. Желание было достойным. Ошибка от этого не становилась меньше.

Мирон прибежал, застёгивая тулуп. До крепости они всё равно не успевали до закрытия ворот. Тогда Дара предложила ехать к северному караульному дому: там служила женщина, умевшая ставить жаропонижающие припарки, а законы Горного союза не требовали цеховой подвески ночью. Путь дольше, зато ворота не запирали для больных.

— Повезёшь? — спросила Велена.

— Повезу. Только на переправе спросят плату.

Дара открыла шкаф и достала моток прочной нити.

— Моток за ночной провоз туда и обратно. Вернуться до завтрашнего заката. Я подтверждаю от припасов.

Она посмотрела на Велену.

— Я подтверждаю лечение и необходимость дороги, — сказала Велена.

Мирон кивнул.

— Я знаю цену и срок.

Ная повторила за ним. На этот раз никто не торопил её. Когда договор был назван, нить на миг натянулась в руках Дары, хотя она держала свободно. Обмен принят.

Ярека снова завернули в одеяло, предварительно вырезав из подкладки всю кожу с тайной строкой. Мирон понёс его к телеге. Ная остановилась у двери.

— Вы придёте завтра в цех?

— Приду, — ответила Велена.

— Тогда я исполнила бы условие.

— Не ты решаешь, можно ли отдать мой приход за лекарство. Даже если я собиралась туда сама.

— А если бы вы согласились сейчас?

Дара покачала головой.

— Сейчас трава уже отдана, ребёнок уже выпил. Согласие после платы не делает прежний обмен честным.

Ная опустила голову.

— Что мне делать с долгом?

— Ничего, — сказала Велена. — Это не твой долг. Это вред, который писарь попытался провести через тебя.

Когда телега скрылась, они вернулись в лечебницу. Цеховая чашка треснула от края до дна. Простая осталась целой. Дара перелила из неё остаток настоя в бутылку для дороги, потом разложила на столе большую дощечку и кожаную полоску.

— Печать утверждает одно, — сказала она. — Ная знает другое. Ты не знаешь скрытого условия. Сила всё равно приходит.

— Ненадолго.

— Почему вообще приходит?

Велена села. Чужая ямка у подбородка снова зудела. Она представила обмен не как строку, а как весы. На одной чаше цех и Ная: оба знают траву, скрытое поручение и срок — первый зов. Между ними всё названо, пусть Ная и убеждает себя, что поручение не цена. На другой чаше лечебный дом, которым собираются заплатить. Его распорядительницы ничего не знают. Пока Велена не касается обмена, весы стоят на чужой опоре. Когда она использует траву, сила берёт её дом как отсутствующую плату. Держится, пока скрытое знание не сталкивается с тем, кому назначен ущерб.

— Она приходит, потому что две говорившие стороны знают условие, — медленно сказала Велена. — Цех и Ная. Но платят не только они. Нас сделали третьей стороной и не дали знать. Поэтому сила занимает недостающее у посредника.

— У какого посредника? У писаря?

— Или у того, кто поставил печать. Вчера настой забрал что-то у меня. Я держала обмен руками. Сегодня мог взять у писаря, который связал траву и наш дом.

— А когда мы нашли строку?

— Скрытая сторона перестала быть скрытой. Весы потребовали нашего согласия. Его нет — помощь вернулась.

Дара постучала ногтем по большой дощечке.

— Значит, камню и траве всё равно, что записано здесь.

— Не всё равно. Запись помогает людям помнить.

— Но печать не заставляет магию считать ложь правдой.

Велена кивнула.

Это было простое открытие, и оттого страшное. В Заводи десятилетиями верили, что цеховая запись не только доказывает обмен людям, но и объясняет его силе. Если настой оживал, значит, книга верна. Если долговой столб называл наследника, значит, писарь ничего не спрятал. Теперь перед ними лежали две записи об одной траве. Та, что несла большую печать, лгала. Та, что была зашита в подкладку, говорила больше правды, но тоже называла Велену платой без её согласия.

А магия сначала сработала.

— Надо проверить ещё раз, — сказала Дара.

— Не на больном.

— На воде. И с человеком, который не знает запись.

— До приезда Савера времени мало.

— Именно поэтому.

Они разбудили Лему.

Старуха жила через два дома и открыла дверь с поленом в руке. Выслушав объяснение, она не удивилась, только надела платок и потребовала обещать ей завтрак. В лечебнице Дара приготовила три чашки и отломила от полыни по одинаковому кусочку.

Первую заварили просто.

Над второй Велена прочла большую дощечку — милость без платы. Лема повторила, что знает только эти слова. Серебряный круг не появился. Вода осталась серой.

Над третьей Дара вслух назвала и траву, и тайное условие. Потом спросила Лему, согласна ли та привести Велену в цех в обмен на лекарство.

— Нет, — ответила старуха. — Велена мне не коза на верёвке.

Круг снова не появился.

Тогда они позвали пекаря, которому не рассказали об опыте заранее. Дара прочла ему только большую дощечку. Он поверил печати и согласился, что трава даровая. Вода осталась обычной.

— Потому что цеха здесь нет, — сказала Велена. — Одна сторона обмена отсутствует.

Они не могли повторить вчерашний случай без цехового человека. Но уже увидели главное: написанная цена сама по себе не пробуждала траву. Нужны были живые участники и то, что каждый действительно знал, а не то, что показывали постороннему.

Лема съела обещанный хлеб с луком и ушла, прихватив обычную полынь для мышей. Пекарь долго смотрел на обе записи, затем признался, что его имя тоже стояло на столбе пять лет назад. Цех показал долг за муку, но не показал, кому досталась мука. Он решил, что это неважно.

— Теперь важно, — сказала Дара. — Завтра принеси свою дощечку.

К рассвету в лечебнице лежало уже четыре старых свидетельства. Люди приходили по одному, не желая встречаться у двери. Перевозчик принёс запись за починку лодки, где срок был дописан другими чернилами. Ткачиха — плату за шерсть, которую её мать никогда не видела. Пашка принёс муку, сохранившую запах дыма от отцовского пожара, и поклялся, что это последняя часть того самого расчёта с Твердом.

Велена не принимала клятв за доказательство. Она записывала, кто что знал, кто присутствовал, какая работа была сделана. Дара раскладывала свидетельства по годам.

Среди них всё чаще повторялся знак раскрытой ладони с монетой.

Перед восходом вернулся Мирон. Ярека приняли на северном посту. Жар удалось удержать обычными припарками, мальчик спал. Ная осталась с ним.

— А цеховой писарь? — спросила Велена.

— Приезжал к переправе. Требовал вернуть одеяло и траву. Перевозчик не пустил без платы.

— Что писарь предложил?

Мирон усмехнулся.

— Сказал, потом сочтутся.

Дара впервые за ночь засмеялась. Смех вышел коротким и злым.

— И что перевозчик?

— Назвал цену втрое выше обычной и велел сказать срок. Писарь уехал.

Велена подошла к окну. Над площадью светлело небо. Долговой столб ещё скрывался в тени, а крыша цехового дома уже блестела медью. Через несколько часов туда должен был приехать Савер Край.

На столе перед Веленой лежала сторожевая полынь — остаток материнской дороги и новое цеховое условие. Между ними было много лет, но приём не изменился: дать спасение сейчас, а цену спрятать там, где человек увидит её слишком поздно.

— Савер скажет, что ребёнка спасли, — произнесла Дара.

— Почти спасли.

— Для него разницы не будет.

— Тогда покажем треснувшую чашку.

— Он скажет, что чашки не свидетельствуют.

Велена взяла кожаную полоску.

— Покажем Ная, Мирона, Лему и пекаря. Покажем большую печать рядом с тайной строкой. И спросим, чьим телом цех оплатил ту четверть часа, пока настой действовал.

Дара посмотрела на её лицо.

— Твоя ямка стала глубже.

Велена коснулась подбородка. Под пальцем лежала уже не тень, а настоящая впадина. Она не знала, принадлежала ли та Тверду. Возможно, другому кредитору. Возможно, посреднику, чьё имя ещё не проявилось.

— Запиши и это, — сказала она.

— Куда?

Дара раскрыла лист с двумя половинами: что говорит цех, что знала Меланья.

Велена указала между ними, прямо на сгиб.

— Сюда. Что заплатило тело, пока стороны знали разное.

Дара провела третью линию.

Впервые их расследование перестало быть спором о старой записи. У него появилась живая цена.

Глава 4. Наследник кредитора

Утром лицо Тверда Лозана постучало в дверь.

Велена открыла не сразу. После бессонной ночи ей мерещился стук в каждой банке, которую Дара ставила на полку. Но стук повторился — три ровных удара, пауза, ещё один. Так при жизни стучал сам Тверд: будто заранее отмерял чужое время.

На пороге стоял мужчина лет двадцати восьми. Высокий, слишком легко одетый для осеннего холода, с дорожной пылью на сапогах. Левый угол его рта опускался в знакомую складку. У подбородка темнела ямка.

Велена невольно коснулась собственного лица.

Мужчина сделал то же самое.

— Значит, правда, — сказал он.

— Что именно?

— Дед вернулся на вашем лице.

Дара встала за плечом Велены. В руке она держала нож для корней — короткий, тупой на конце, но гость его заметил.

— Имя, — потребовала она.

— Олесь Лозан. Внук Тверда.

Велена узнала его не по лицу, а по голосу. Девять лет назад он вместе со старшим братом носил деда в лечебницу на деревянном стуле. Тогда Олесю было, должно быть, девятнадцать. Он смотрел в пол и краснел всякий раз, когда Тверд торговался за сердечные капли. После похорон Лозаны продали дом у переправы и перебрались на южную сторону. В Заводи осталась только их долговая ладонь на камне.

— Зачем приехал?

Олесь вынул из-за пазухи сложенный лист.

— Цех вызвал. Сказали, найден наследник материнского долга и требуется моё принятие.

— Принятие чего?

— Не написано.

Дара протянула руку. Олесь отдал лист без спора. На нём стояла малая цеховая печать и приглашение явиться к полудню для «возобновления права дома Лозанов». Ни предмета, ни цены.

— Вы согласились? — спросила Велена.

— Я пришёл узнать, что мне предлагают.

— Это не одно и то же.

— Поэтому сначала я здесь.

Он смотрел на неё слишком пристально. Не на глаза — на рот и подбородок. Велена знала этот взгляд с площади, но у Олеса в нём не было любопытства. Был испуг.

— Входите, — сказала она.

— Велена, — предупредила Дара.

— Если он пришёл принять долг, лучше услышать это не у Савера.

Олесь переступил порог и остановился, увидев на столе цеховые свидетельства. Их стало девять. Ночью принесли ещё запись за семенное зерно, расписку на шерсть и кусок доски с выжженной ладонью Тверда. Дара разложила всё по годам, оставив середину для голодного лета.

— Откуда это? — спросил Олесь.

— От людей, которые не получили полных записей вовремя.

— Дед хранил свои книги.

— Где?

— После его смерти цех забрал на проверку.

— И вернул?

Олесь помолчал.

— Одну.

Дара положила нож на стол.

— Сколько забрал?

— Пять больших и две дорожные.

— Почему вернул одну?

— Сказали, остальные принадлежат цеху, потому что дед вёл обмены по их знаку.

Велена пододвинула гостю стул. Он не сел.

— Вы помните мою мать?

— Меланью? Немного. Она приходила к дому за мешками.

— За какими мешками?

— Травяными. Наверное. Я был мальчишкой.

— В голодный год вам было одиннадцать или двенадцать. Это уже не младенец.

Олесь нахмурился. Складка Тверда стала глубже, и Велена увидела собственное отражение без медного блюда.

— Дед не пускал нас в счётную комнату. Мы таскали то, что он велел. Мешки были лёгкие и пахли дымом. Меланья забирала их ранней весной, потом возвращала осенью.

— Семь лет?

— Может быть.

— А зерно?

— Зерно дед выдавал всей Заводи. Я не помню каждого.

— Зато цех помнит, — сказала Дара. — Настолько хорошо, что вызвал вас принять неизвестную цену.

Олесь наконец сел. Он снял перчатки, и Велена заметила белые шрамы на пальцах — ровные полосы, словно человек часто резался бумагой или тонким металлом.

— Что значит принять? — спросила она.

— Если должник умер, наследник кредитора подтверждает, что готов получить остаток. Без этого старый обмен не возобновляют.

— Я спрашиваю не закон. Что произойдёт со мной?

— Не знаю.

— Но приехали.

— Потому что, если я не приеду, право перейдёт брату. А он примет всё, не спрашивая.

Дара перестала перелистывать бумаги.

— Почему?

Олесь потёр шрамы на пальцах.

— Старший считает, что дед раздал слишком много и получил слишком мало. После смерти Тверда наш дом едва расплатился с цехом за проверку книг. Брат хочет вернуть всё, что возможно.

— А вы?

— Я хочу увидеть цену прежде, чем решать.

— Решать, брать ли мой труд? — спросила Велена.

— Если он действительно обещан моему дому.

Слова прозвучали осторожно, почти разумно. Именно так люди входили в опасный обмен: не требовали сразу, а оставляли себе право потребовать позже.

Дара придвинула к Олесю цеховую дощечку Наи.

— Здесь написано, что полынь отдана без платы. Возьмёте такую запись за правду?

— Печать настоящая.

— А это было зашито в одеяло.

Он прочёл тайную строку. Лицо его изменилось. Не сильно — только нижняя губа побелела.

— Кто писал?

— Цеховой человек у крепости.

— Имя?

— Ная не спросила.

— Почерк не знаю.

— Зато приём знаком? — спросила Велена.

Олесь поднял глаза.

— Дед не прятал строки в одеялах.

— Где он их прятал?

— Я не сказал, что прятал.

— Но подумали.

Он встал так резко, что стул опрокинулся. Дара отступила к шкафу. Велена осталась на месте.

— Я пришёл не отвечать за всё, что делал старик, — сказал Олесь.

— А зачем?

— Убедиться, что цех не отдаст право брату.

— Значит, всё-таки за правом.

— За возможностью отказаться после того, как узнаю правду.

— Отказаться можно сейчас.

Он посмотрел на её рот. Велена вдруг поняла, чего он боялся с порога. Не её гнева и не долга. Он боялся увидеть деда там, где его не должно быть.

— Сколько людей носят это лицо? — спросила она.

Олесь отвернулся.

— Не знаю.

— Пашка, я, ещё кто?

— На южной дороге есть женщина с дедовым носом. В крепости — стражник с его ушами. У одного ребёнка возле Рудных ворот такие же пальцы.

— Вы считали.

— Я замечал.

— Почему боитесь?

Он поднял опрокинутый стул, провёл ладонью по сиденью. Снаружи прокричал торговец молоком, где-то захлопнулась ставня. Обычное утро продолжалось вокруг человека, который видел своё семейное лицо на чужих людях.

— Когда дед умер, — начал Олесь, — брат сказал, теперь в доме станет легче. Но на похороны пришли должники. Они стояли за оградой и смотрели на нас. Через год я встретил первого с дедовой складкой. Потом второго. Чем старше становлюсь, тем больше сам на него похож. Иногда вижу человека с его глазами и не понимаю, он унаследовал долг или просто родственник, о котором мы не знали. Иногда думаю, что однажды вся дорога будет смотреть на меня дедовым лицом.

— А вы станете думать, что все они вам должны.

— Брат уже так думает.

Дара подняла со стола приглашение.

— Если вы примете право сегодня, черта Велены углубится?

— Не знаю.

— Появится следующая?

— Не знаю.

— Получите её труд на семь лет?

— Я не знаю!

В последнем слове прорвался настоящий страх. Олесь сжал пальцы, и шрамы на них покраснели.

Велена налила ему воды. Не лечебной, не обменной — простой. Он выпил и сел снова.

— Покажите ту книгу, которую цех вернул, — сказала она.

— Она на постоялом дворе.

— Принесите до полудня.

— Савер велел никому её не показывать до встречи.

— Значит, он знал, что вы её возьмёте.

— Вызов пришёл с указанием принести семейные записи.

— И вы оставили книгу на постоялом дворе?

— Запер в сундуке.

Дара накинула платок.

— Идём сейчас.

Олесь не двинулся.

— Если Савер узнает, что я показал её вам, право передадут брату.

— А если не покажете, — ответила Велена, — вы придёте к столбу, услышите его толкование и будете решать, верите ли человеку, который уже спрятал одну цену в одеяло.

— Вы не доказали, что Савер приказал это сделать.

— Верно. Но доказали, что большая печать может лгать о том, что знают люди.

Олесь провёл большим пальцем по своей складке. На миг Велена увидела не Тверда, а усталого молодого человека, которому семейное сходство досталось без всякой магии. Он тоже был наследником — дома, имени, права требовать и чужого страха. Только закон не спрашивал, хочет ли он это нести.

— Я принесу книгу, — сказал он. — Но вы не заберёте её и не вырвете страницы.

— Проверим при вас.

— И никаких обменных слов.

— Каких?

— Не говорите, что я даю книгу за отказ от долга. Я ещё не отказался.

Дара поджала губы, но Велена кивнула.

— Вы показываете её по собственной воле, без платы. Мы читаем при вас и возвращаем до выхода из лечебницы.

— Да.

Никакого круга на воде не появилось. Они не совершали обмен — только договаривались не превращать доверие в цену.

Через полчаса Олесь вернулся с узким сундуком. Замок он открыл ключом, который носил на шее. Внутри лежала книга в тёмной коже, пахнувшая сыростью и мышами. На обложке был выдавлен знак ладони с монетой.

Дара вымыла руки и вытерла насухо. Велена задвинула ставни, чтобы ветер не переворачивал листы. Олесь сел напротив и держал ладонь на корешке, будто книга могла убежать.

Первые страницы относились к последним годам жизни Тверда. Там были малые долги: мука, древесина, плата за паром. Почерк ростовщика Велена узнала по старым лечебным записям — узкие буквы с длинными хвостами. Рядом стояли цеховые подтверждения.

Дара листала назад.

— Голодный год должен быть ближе к началу.

— Книга старая, но дед переписывал в неё незакрытые обмены, — сказал Олесь.

— Тогда запись Меланьи могла перейти сюда.

Они нашли имя Пашкиного отца. Рядом значилось: четыре мешка муки за семенное зерно, срок исполнен наполовину. Ни слова о пожаре, уничтожившем мельницу, ни отметки о переданной муке. Дальше — ткачихина мать, перевозчиков дядя, люди, чьи дощечки лежали на столе.

Записи не совпадали.

Где на дощечке стояли две меры шерсти, в книге было четыре. Где перевозчику дали срок до ледохода, Тверд записал «до требования». Олесь читал и всё сильнее прижимал пальцы к странице.

— Это мог переписать цех, — сказал он.

— Почерк вашего деда, — ответила Дара.

— Подтверждения цеховые.

— Значит, лгать могли вместе.

— Или люди лгут теперь, чтобы не платить.

Велена подвинула ему обугленную муку Пашки.

— Девять лет он хранит горсть ради лжи?

— Люди хранят обиды дольше.

— А лица?

Олесь вздрогнул.

— Что лица?

— Если книга верна, почему вы их боитесь?

Он закрыл книгу.

— Я не обязан отвечать.

— Не обязаны. Но к полудню вас попросят сделать моё лицо ещё больше похожим на ваше. Ответ понадобится хотя бы самому себе.

Дара положила ладонь на обложку.

— Здесь не хватает листов.

Возле середины из корешка торчали короткие волокна. Вырезали аккуратно, близко к шву. По соседним страницам шёл счёт от конца голодного года к следующей весне. Пропавшая тетрадь могла вместить несколько месяцев.

— Так было, когда книгу вернули? — спросила она.

— Не знаю.

— Вы не проверили?

— Мне было девятнадцать. Брат бросил книгу в сундук. Мы хотели забыть дедовы дела.

— А сегодня Савер велел принести именно её.

Олесь дёрнул книгу к себе. Дара не удерживала.

— Я обещал показать. Вы увидели.

— Подождите.

Велена взяла чистый лист и приложила к странице после вырезанной тетради. На коже переплёта сохранился слабый след чернил: когда Тверд писал, перо продавливало несколько слоёв. Прочитать слова было нельзя, но виднелась длинная черта и семь коротких поперечных отметин.

Тот же знак был на долговом столбе.

— Дара, уголь.

Они натёрли мягкий уголь в пыль и легко прошлись мешочком по листу. Проступить мог только нажим, не чернила. Олесь следил, не дыша.

Сначала показалась рамка. Потом знак перевала. Семь насечек. Ниже — часть имени: «...ланья Р...».

— Это не доказательство содержания, — сказал Олесь.

— Но доказательство, что запись была здесь, — ответила Дара.

- Почему цех оставил след, если хотел скрыть?
- Потому что люди обычно верят целой обложке.

Велена смотрела на отпечаток имени матери. Ей хотелось прижать лист к груди, словно это было новое письмо. Но перед ней находилось не материнское слово. Это был след человека, который считал её жизнь.

- Возьмите книгу, — сказала она Олеся.
- Он запер её в сундук.
- Я не отдам Саверу.
- Тогда он передаст право брату.
- Пусть попробует.
- Попробует, — сказала Дара. — И скажет, что вы испугались законной записи.

Олесь встал. Он дошёл до двери, остановился.

- Если долг настоящий, — произнёс он, не оборачиваясь, — что вы сделаете?
- Узнаю предмет, цену и срок. Потом решу, могу ли исполнить то, чего сама не обещала.
- Закон уже решил.
- Закон меняет моё лицо без моего согласия. Это не делает его правдой.
- Но если ваша мать получила зерно и не доплатила?

— Верну то, что действительно осталось за её домом, если другая сторона вправе это принять. Не семь лет своей жизни по вырезанному листу.

Олесь обернулся. В утреннем свете их лица снова стали похожи. Только его складка была естественной, прожитой вместе с кожей. Веленина лежала поверх прежних черт, как плохо подогнанный шов.

- Я не хочу вашего лица, — сказал он.
- Тогда откажитесь.
- Я не знаю, можно ли отказаться за весь дом.
- За себя можно всегда.

Он ушёл.

К полудню площадь заполнилась. Пришли все, кто оставлял свидетельства, и вдвое больше тех, кто хотел увидеть Савера. Пашка стоял ближе к столбу, выставив тяжёлое дедово веко напоказ. Лема принесла складной стул и уселась, будто собралась ждать до зимы. Ная ещё не вернулась с северного поста, но Мирон держал при себе обе записи о полыни.

Олесь появился один, без сундука. Он встал на противоположной стороне круга. Люди сразу заметили сходство между ним и Веленой. Шёпот пошёл от часовни к цеховому дому.

- Родня? — спросил кто-то.
- Кредитор, — ответил Пашка.

Это слово ударило сильнее брани. Олесь побледнел, но не ушёл.

Дверь цеха открыли за несколько минут до полудня. Писари вынесли скамью, повесили молоток и расставили три весовых короба. Старшины ещё не было. Молодой писарь пригласил Олесья внутрь.

- Разговор будет у столба, — сказал тот.
- Наследник дома Лозанов должен подтвердить право в книге.
- Сначала покажите цену.
- Полную запись откроет старшина после подтверждения сторон.

Дара громко спросила:

- Как можно подтвердить то, что не показано?

Писарь сделал вид, что не слышит.

- Олесь Твердич Лозан, войдите в дом.
- Нет.

На долговом столбе дрогнули тёмные буквы. Велена почувствовала боль возле рта и готовилась к новой черте. Но складка, наоборот, ослабла. Всего на миг — кожа разгладилась под пальцем, будто чужое лицо потеряло опору.

Олесь тоже это заметил.

— Повторите, — сказала Велена.

Писарь отступил.

— Не вмешивайтесь в цеховое действие.

Олесь подошёл к столбу. Встал напротив знака своего деда и положил ладонь на камень.

— Я, Олесь Лозан, не принимаю плату, которой не знаю. Не требую труда Велены Рудь, её лечебницы, запасов и лица. Если мне покажут честный остаток, выслушаю обе стороны. До тех пор — нет.

Камень нагрелся так, что над ладонью поднялся пар. Олесь дёрнулся, но руку не снял. На запястье проступила красная полоса.

Складка у рта Велены разгладилась ещё раз и вернулась. Ямка осталась прежней.

Долг не исчез. Но и не усилился.

Писарь схватился за молоток.

— Отказ должен быть принят старшиной.

— Мой рот не принадлежит старшине, — ответил Олесь.

Толпа загудела. Пашка первым засмеялся, потом закашлялся. Лема хлопнула ладонью по колену.

Со стороны южной дороги прозвучал рог.

На площадь въезжали три всадника. Средний сидел на сером коне, прямой, как поставленная на ребро книга. Савер Край не носил богатой одежды: тёмный плащ, кожаные перчатки, серебряная цепь старшины. Его знали не по наряду, а по тишине, которая шла впереди него.

Он спешился возле цехового дома, передал поводья писарю и оглядел собравшихся. Сначала увидел Олесь у столба. Потом Велену.

На её чужих чертах его взгляд задержался всего на мгновение.

— Тверд был бы недоволен сходством, — сказал Савер.

— Я тоже, — ответила Велена.

— Недовольство не отменяет цену.

Олесь убрал руку с камня. На ладони остался знак монеты, белый внутри красного ожога.

— Я отказался принимать неизвестный долг.

Савер посмотрел на него почти с жалостью.

— Поэтому ваш брат уже едет сюда.

Олесь побледнел.

— Вы не могли вызвать его сегодня.

— Вызвал вчера. Меновой старшина обязан предусмотреть отказ одной стороны.

Дара тихо выругалась.

Савер снял перчатки и подошёл к столбу. Его руки были покрыты тонкими белыми шрамами, такими же, как пальцы Олесь, только старше и глубже. Посредник, подумала Велена. Тело, которое платит, пока стороны знают разное.

Савер заметил её взгляд и спрятал руки за спину.

— Полную запись откроем завтра утром, — объявил он. — Когда прибудет второй наследник дома Лозанов.

— Вы обещали сегодня, — сказала Дара.

— Я обещал прибыть сегодня. Я прибыл.

— А до завтра моё лицо продолжит меняться? — спросила Велена.

Савер посмотрел на неё без злости.

— Если долг жив, он не спрашивает удобного срока.

— Долг или ваша книга?

На этот раз его лицо дрогнуло.

— Завтра увидите, что это одно и то же.

Он вошёл в цеховой дом. Дверь закрылась, но медную печать не повесили. Писари остались снаружи, не зная, куда смотреть.

Олесь стоял возле столба, сжимая обожжённую ладонь. Велена подошла и достала чистую ткань.

— Я не могу заплатить, — сказал он.

— Это перевязка, не обмен.

— Вы всё равно тратите запас.

— Дара?

— Согласна, — ответила та. — Без платы.

Велена наложила на ожог прохладную мазь. Магического круга не возникло. Но боль в лице отступила, словно чей-то отказ всё-таки имел вес.

— Брат примет, — сказал Олесь. — Даже если в книге будет пустая страница.

— Тогда завтра вы встанете напротив него, — сказала Велена.

— И что это изменит?

Дара подняла угольный отпечаток вырезанного листа, который принесла с собой.

— Пустой страницы у них уже нет.

Олесь посмотрел на след имени Меланьи. Потом — на собственное лицо в медной накладке столба.

В отражении рядом стояли трое: наследник кредитора, наследница должника и женщина, которая отказывалась считать кого-либо из них платой.

Глава 5. Старшина обменов

К утру Савер выставил перед цеховым домом семь пустых мешков.

Их поставили стоймя, расправили горловины и прижали края камнями, будто ждали зерна. На каждом углу был выведен год. Первый приходился на голодное лето, последний — на год, когда Меланья вернулась из-за перевала с располосованными ладонями и сказала, что лечение уже оплачено.

Люди обходили мешки стороной. Даже дети не решались заглядывать внутрь.

Велена пришла на площадь вместе с Дарой до восхода. За ночь чужая ямка на подбородке стала глубже. Она чувствовала её при каждом слове: голос будто цеплялся за незнакомую впадину и выходил ниже обычного. Дара дважды оборачивалась на неё по дороге, но ничего не сказала.

Олесь ждал у долгового столба. Обожжённая ладонь была перевязана вчерашней тканью. Старшего брата рядом не было.

— Не приехал? — спросила Велена.

— Приехал ночью. Савер поселил его в цехе.

— Почему он не здесь?

— Потому что сначала старшина хочет говорить с деревней, а потом с наследниками.

— Удобный порядок, — сказала Дара. — Те, кто будет слушать, уже внутри, а те, кого будут считать, стоят снаружи.

Олесь провёл пальцем по повязке.

— Брат сказал, что примет всё, что записано. Даже не спросил, что именно.

— Его имя?

— Радан.

— Он видел людей с лицом вашего деда?

— Видел. Говорит, черта подтверждает долг лучше свидетеля.

Велена посмотрела на семь мешков. Пустота тоже могла казаться доказательством, если поставить её рядами и подписать годы.

Дверь цеха открылась с первым ударом часовенного колокола. Вышли двое писарей, за ними Савер. Сегодня он был без перчаток. Белые шрамы лежали на его руках частой сеткой. На ладонях они сходились в круглые пятна, похожие на следы ожогов от монет.

Последним появился Радан Лозан.

Он был старше Олесья лет на шесть и на Тверда походил меньше. Та же складка у рта, но подбородок широкий, без ямки. Дорожный кафтан сидел на нём тесно в плечах. Радан оглядел площадь так, словно пришёл осматривать имущество после долгого отсутствия, и остановил взгляд на лице Велены.

— Две черты, — сказал он вместо приветствия. — Значит, остаток немалый.

Олесь шагнул к нему.

— Ты не знаешь остатка.

— Для этого и приехал.

— Ты сказал, что примешь всё.

— Если дед дал зерно, его дом имеет право на плату.

— А если платой записали чужую жизнь?

— Сначала прочтём.

Савер поднял руку, и братья замолчали. Старшина не требовал тишины голосом. Он просто умел ждать так, что чужой шум начинал казаться ребячеством.

— Черемховая Заводь хочет видеть полную запись, — произнёс он. — Цех привёз её. Но прежде, чем мы откроем книгу, вы должны вспомнить, зачем она существует.

Он указал на первый мешок.

— В голодный год в Заводи осталось зерна на девять дней. Северный пост запер ворота из-за горячки. Горный союз не принимал ликовскую монету. Вольная полоса продавала рожь только за соль, а соль была на южной дороге. Без цеха каждая мера стояла бы за своей границей, и дети ели бы кору.

Площадь молчала. Несколько стариков опустили глаза.

— Мы это знаем, — отозвалась Лема со складного стула. — Я тогда варила кору.

— Знаете ли? — спросил Савер. — В последние дни я слышу только о спрятанных строках и дурных печатях. Будто книги сами вырастили хлеб, а старшины пришли после жатвы и придумали долги от скуки.

Он подошёл к мешкам.

— Цех взял у южан соль под будущую медь. Отдал соль вольным мельникам за зерно. Обещал Горному союзу сушёные травы, чтобы те пропустили обоз. А здешним семьям выдал хлеб, хотя получить с них в тот год было нечего. Каждый обмен держался на следующем. Ошибка в одном сроке разорвала бы всю цепь.

Велена помнила тот хлеб. Серые лепёшки, от которых болел живот, мать резала ниткой на тонкие пласты. Одну половину отдавала Велене, вторую прятала до вечера и говорила, что уже поела у соседей. Через много лет Велена узнала эту материнскую ложь. Тогда она казалась любовью.

— Это сильная история, — сказала Дара. — Но она не отвечает, кто обещал ваши семь лет.

Савер посмотрел на неё внимательнее, чем вчера.

— Дара Рудь?

— Просто Дара. Дом у нас общий, имя моего отца я не меняла.

— Вы ведёте запасы лечебницы.

— Вместе с Веленой.

— Значит, понимаете: запас создают не добрыми намерениями. Его создают платой.

— Понимаю. Поэтому записываю, кто её назвал.

Савер едва заметно улыбнулся.

— Молодость любит отдельные строки. Голод любит итог.

— Голодный человек тоже имеет имя, — ответила Дара.

По толпе прошёл тихий гул. Савер повернулся к писарю. Тот внёс из дома узкий ларец, обитый медными полосами. Второй поставил на скамью чашу весов и каменную печать. В ларце лежала толстая книга в светлой коже. Не та, что Олесь показывал в лечебнице. Эта была цеховой.

Савер положил обе ладони на крышку.

— Книга хранилась под тремя печатями. Её нельзя открыть без представителя цеха, наследника кредитора и наследника должника.

— Я не соглашалась быть наследницей долга, — сказала Велена.

— Закон признал вас наследницей дома и ремесла.

— Закон может назвать меня. Согласиться за меня он не может.

— Для чтения согласия не требуется.

— Тогда читайте.

Радан подошёл первым и коснулся медной полосы. По ней прошёл тусклый золотой свет. Олесь остался возле столба.

— От дома Лозанов достаточно одного, — сказал Савер.

— Нет, — возразил Олесь. — Если право делят наследники, присутствовать должны оба.

— Вы вчера отказались.

— От неизвестной платы. Не от права услышать, что дед сделал с нашим именем.

Савер помедлил, затем кивнул. Олесь положил здоровую ладонь рядом с рукой брата. Свет на полосе стал ярче, но замок не открылся.

Все посмотрели на Велену.

Дара удержала её за рукав.

— Если коснёшься, они назовут это признанием.

— Уже назвали, когда поставили моё имя на камне.

— Пусть скажет вслух, что прикосновение нужно только для чтения.

Велена повернулась к Саверу.

— Моё касание откроет книгу и больше ничего. Я не признаю долг, предмет, цену и срок, пока не узнаю их. Скажите при всех.

Старшина взглянул на толпу. Отказ прозвучал бы признанием ловушки.

— Прикосновение Велены Рудь требуется только для открытия записи, — произнёс он. — Оно не означает принятия изложенных условий.

— И Дара свидетель, что лечебница не переходит вместе с моим касанием.

— Свидетель.

Дара отпустила рукав.

Велена положила пальцы на холодную медь. Вначале ничего не произошло. Затем в чужой ямке на подбородке запульсировала боль. Замок щёлкнул.

Савер открыл ларец.

Цеховая книга оказалась составлена из разных листов. Между широкими страницами лежали узкие дощечки, полосы ткани, высушенные оболочки зерна. У каждой записи было три края: знак того, кто давал, знак того, кто принимал, и цеховая кайма посредника.

Писарь нашёл голодный год быстро. Словно страницу открывали много раз.

— Читайте целиком, — потребовала Велена.

— Для того книгу и вынесли, — ответил Савер.

Он не передал её писарю. Прочёл сам:

— «В последний день сухого месяца дом Тверда Лозана выдаёт Меланье Рудь семь мер зерна, пригодного для пищи и посева. Меланья Рудь принимает зерно за себя и свой лечебный дом. Цена — семь лет лекарского труда её дочери Велены по достижении возраста ремесла. В каждый из семи лет Велена обязана отдать дому Лозанов один летний сбор перевальных трав и лечить его людей без отдельной платы. Срок начинается с первого самостоятельного сбора Велены. Если цена не исполнена, право переходит наследникам обоих домов и подтверждается чертой лица кредитора. Цех свидетельствует знание сторон». Подписи: знак Тверда, знак Меланьи, печать цеха.

Последнее слово провалилось в тишину.

Велена ждала гнева, но первой пришла память. Она увидела мать у двери в тот голодный год: мокрые волосы прилипли ко лбу, под ногтями застряла тёмная шелуха. За спиной стоял мешок, слишком большой для семи мер. Меланья сказала: «Я заплатила травами». Велена поверила, потому что ей было десять.

— Мне было десять лет, — сказала она.

— Девять, если верить году рождения в лечебной книге, — поправил писарь.

Дара резко повернулась к нему.

— Это делает лучше?

— Делает точнее.

— Точнее то, что ребёнка продали на семь лет?

Радан наклонился над книгой.

— Здесь сказано «по достижении возраста ремесла». Значит, работать должна была взрослая Велена.

— Но обещала ребёнок? — спросил Олесь.

— Обещала её мать за дом.

— Ты бы отдал своих будущих детей в счёт дедова долга?

— Если бы без этого они умерли с голоду, я бы спас их сначала.

— А потом потребовал бы от них благодарности по книге.

— Потребовал бы выполнить цену.

Савер закрыл ладонью страницу, не позволяя братьям нависнуть над ней.

— Меланья была распорядительницей лечебного дома, — сказал он. — Она могла принимать обязательства ради его сохранения.

— Дом — это стены и запасы, — ответила Велена. — Мои будущие руки не были её запасом.

— Ваше ремесло передано ею.

— Передано знание. Не согласие.

— Без зерна вы могли не дожить до возраста, когда различают эти слова.

Удар получился точным. Велена почувствовала, как толпа качнулась к Саверу. Не потому, что люди решили отдать её труд. Они вспомнили собственных детей, серые лепёшки, пустые кладовые. В голодный год никто не торговался красиво.

Савер умел ставить правду так, чтобы она заслоняла соседнюю.

— Мать знала эту цену? — спросила Велена.

— На записи её знак.

— Я спросила не о знаке.

— Знак подтверждает знание.

— Ваша печать на дощечке Наи подтверждает, что полынь дана без платы. А в одеяле была зашита другая цена.

Мирон поднял обе записи над головой. Люди расступились, чтобы Савер увидел.

— Тот случай расследуют, — сказал старшина.

— Когда?

— После завершения этого действия.

— Значит, печать умеет ошибаться сегодня, но не могла ошибиться двадцать четыре года назад?

Савер не ответил сразу. Он провёл пальцем вдоль цеховой каймы. На коже проступила тонкая красная линия, точно шрам под ней вспомнил старую боль.

— Меланья приходила в цех трижды, — сказал он. — Первый раз просила зерно. Второй принесла знак лечебного дома. Третий получила мешки. Между просьбой и выдачей прошло два дня. У неё было время отказаться.

— Вы присутствовали?

— Я был младшим весовщиком.

По площади словно прошёл холодный ветер.

— Тогда вы видели мою мать, — сказала Велена.

— Видел.

— И меня?

— Вы ждали снаружи.

Память вернулась запахом: прелая солома под навесом, медная чашка у двери, голоса за стеной. Девочка Велена считала щели между досками и боялась, что мать выйдет без зерна. Незнакомый юноша вынес ей половину сухаря. Она не взяла, потому что Меланья запрещала принимать еду, не назвав цену.

— Это вы дали мне сухарь? — спросила она.

Савер опустил глаза на свои ладони.

— Возможно.

— Я отказалась.

— Вы были упрямым ребёнком.

— Я уже тогда знала: чужую цену надо называть.

Кто-то в толпе тихо произнёс её имя. Савер захлопнул книгу не резко, но медные пластины звякнули.

— Детская осторожность не кормит деревню.

— А взрослая книга не создаёт детского согласия.

— Согласие Велены в девять лет не требовалось, — вмешался писарь. — Распорядитель дома вправе назначить будущий труд наследника в пределах семейного ремесла.

— Покажите закон, действовавший в тот год, — сказала Дара.

— Он хранится в княжеском своде.

— Здесь его нет?

— Цеховая выписка достаточна.

— Для цеха.

Дара подошла к скамье. Она не касалась книги, только всматривалась в страницу.

— Почему чернила разные?

Писарь прикрыл запись рукавом. Савер остановил его одним взглядом.

— Где? — спросил старшина.

— «Семь мер зерна» написано коричневым. «Семь лет лекарского труда» — почти чёрным.

— Чернила темнеют от состава.

— В одной строке?

— Запись могли завершить после выдачи.

— То есть мать поставила знак до того, как цену дописали?

Радан фыркнул.

— Или писарь сменил чернильницу.

— Тогда кайма должна пересекать оба состава, — сказал Олесь.

Все посмотрели на него. Он подошёл ближе, не обращая внимания на брата.

— Дед учил меня проверять записи, пока не отдал книги цеху. Стороны ставят знаки, потом посредник ведёт кайму через весь текст. Если строку дописали позже, кайма обойдёт её или будет прорезана.

— Не прикасайтесь, — предупредил писарь.

— Переверните к свету, — потребовал Олесь.

Савер долго смотрел на него, затем поднял книгу. Низкое солнце прошло сквозь тонкую кожу листа. Цеховая кайма окружала запись прямоугольником. Возле слов о будущих годах чёрная строка лежала поверх красного края. Совсем немного — одно длинное окончание пересекало его.

Толпа заговорила сразу.

— Тишина! — крикнул писарь.

Савер не повышал голоса.

— Цена записана двумя руками. Это не отменяет согласия.

— Как звали первого писаря? — спросила Велена.

— Он умер.

— Второго?

— Тоже.

— Удобная книга.

— Удобным был бы чистый лист. Здесь есть знаки, сроки и след исполнения.

— Какой след?

Савер вновь раскрыл ларец и вынул семь узких полотняных лент. На каждой выцвел знак Меланьи. К первой прилипли серые зёрна, остальные пахли травами даже спустя годы: горькой сторожевой полынью, горным чабрецом, смолистым корнем, который в Заводи не рос.

— Семь лет она приносила перевальные сборы, — сказал Савер. — По одному каждый год. Именно как указано в цене.

Велена взяла первую ленту двумя пальцами. На ней было написано: «Получен летний сбор Меланьи Рудь за первый год». Не Велены.

— Она исполняла сама.

— Временно замещала будущую обязанность дочери.

— Где это сказано?

— В счётной книге.

— В этой записи сказано только, что сбор получен за первый год. Если его приняли за первый год, первый год оплачен.

Савер поставил ленту на место.

— Трава была частью цены. Лечение людей Лозана осталось.

— Тверд лечился у меня девять лет назад, — сказала Велена. — Я давала ему сердечные капли.

Радан сразу повернулся к ней.

— Без платы?

— Он привозил воск и чистый спирт.

— Значит, платил отдельно.

— Потому что называл отдельную цену. Ни разу не сказал, что забирает мой труд по старому долгу.

Олесь побледнел.

— Я носил деда. Он торговался за каждую склянку.

— Потому что старый обмен был закрыт? — спросила Дара.

— Или потому что сам Тверд не считал лечение частью долга, — ответила Велена.

На миг лицо Савера стало старше. Не виноватым — уставшим. Он знал, что каждая новая подробность отнимает у книги простоту.

— Тверд мог не помнить всех условий, — сказал он.

Олесь коротко рассмеялся.

— Дед забывал наши дни рождения. Долги он помнил лучше имён.

— Вы хотите объявить запись поддельной на основании семейной насмешки?

— Нет. Я хочу понять, почему дед семь раз принимал травы Меланьи, отдельно платил Велене и ни разу не потребовал её лет.

Радан ударил ладонью по скамье.

— Потому что рассчитывал получить позже. А теперь получим мы.

Чужая ямка на подбородке Велены вспыхнула болью. Радан произнёс требование, зная предмет по книге и называя себя стороной. Магия прислушалась.

Кожа на лице натянулась. Голоса вокруг стали глуше. Велена прикусила губу и почувствовала кровь.

Дара встала между ней и Раданом.

— Не смейте соглашаться за лечебницу, — сказала она.

— Я не с вами говорю.

— Вот именно. Половина запасов и труда принадлежит моему решению. Вы требуете то, чего Велена одна обещать не может.

— В голодный год вас не было.

— А сегодняшнюю лечебницу тогда тоже нельзя было обещать.

Боль отступила на волос. Не исчезла, но требование Радана не нашло целой цены.

Савер это заметил. Он обошёл скамью и встал перед Веленой.

— Не позволяйте толпе решать за вас, — сказал он тихо. — Семь лет можно исполнить без разорения. Один сбор и лечение дома Лозанов каждое лето. Цех поставит вам травы на зиму, освободит от пошлины, даст ученицу. Ваш дом выиграет больше, чем теряет.

— Это новое предложение?

— Способ закрыть старое.

— Назовите предмет, цену и срок как для нового.

Он нахмурился.

— Предмет — прекращение наследственного долга. Цена — семь лет вашей службы дому Лозанов. Срок — начиная с будущего лета.

— А цеховые травы, пошлина и ученица?

— Обеспечение исполнения.

— Нет. Вы только что предложили их как выгоду для моего дома. Они тоже предмет обмена. Сколько трав? Каких? На какой срок освобождение? Кто платит ученице? Может ли она отказаться?

Савер молчал.

— Вы умеете произносить цену красиво, — продолжила Велена. — Но как только её приходится считать, в ней появляются люди, которых не спросили.

Белые рубцы на его ладони покраснели. Савер сжал пальцы.

— Пока вы разбираете каждое слово, запас убывает. Через месяц перевал закроет снегом. У северного поста уже горячка. Если цех перестанет связывать обмены, Заводь останется с честными пустыми полками.

— А если продолжит связывать их тайно, ожоги получают ученицы, — сказала Дара.

— Иногда посредник принимает риск добровольно.

— Ная знала, чьим телом оплачивается полынь?

— Нет.

— Велена знала?

— Нет.

— Ученица, которой обожгло руки, знала?

Савер посмотрел на писаря. Тот отвернулся.

— Она знала, что служба в цехе имеет цену.

— Это не ответ.

Дара произнесла слова негромко, но площадь услышала. Велена вдруг увидела, чему сама научила её за эти годы и чему мешала научиться. Дара не боялась сложного счёта. Она боялась только счёта, в котором человек появлялся после итога.

Лема поднялась со стула.

— Меланья семь лет ходила за перевал. Я штопала ей рукавицы. После пятого раза у неё два пальца не сгибались. Если это не плата, зачем она ходила?

— Чтобы заменить дочь до её совершеннолетия, — ответил Савер.

— Велена стала самостоятельной травницей в семнадцать. Последние два года они ходили вместе.

Велена повернулась к Леме.

— Вместе?

— Ты не помнишь?

— Мать говорила, что учит меня тропам.

— Может, и учила. Но ваши мешки принимали в цехе отдельно. Я видела.

Савер быстро закрыл ларец.

— Свидетельство спустя двадцать лет нельзя считать точнее книги.

— Зато оно объясняет, почему у книги два цвета чернил, — сказал Олесь.

Радан схватил брата за плечо.

— Ты защищаешь долг, который принадлежит нам.

Олесь снял его руку.

— Я защищаю своё право не брать человека по чужой приписке.

— Ты уже опозорил дом отказом.

— Дом опозорен не отказом.

Радан замахнулся. Олесь не отступил. Между ними шагнул Пашка, потом Мирон, и удар не состоялся. Савер снова поднял руку.

— Книга будет закрыта до полудня завтра. За это время цех проверит свидетельство о совместных сборах.

— Где? — спросила Велена. — В другой книге, которую вы сами храните?

— В путевых ведомостях перевала.

— Мы пойдём с вашим писарем.

— Ведомости находятся на южном складе.

— Тогда пошлём двоих: вашего человека и нашего.

— У деревни нет права участвовать в цеховой проверке.

— Зато у деревни есть ноги, — сказала Лема.

Люди засмеялись. Впервые за утро Савер потерял их внимание. Не власть — пока только внимание, но он почувствовал разницу.

— Я разрешу одному свидетелю сопровождать писаря, — сказал он. — Без права касаться ведомостей.

— Дара, — решила Велена.

— Нет, — сразу ответила та. — Ты выбираешь за меня, потому что считаешь это безопаснее остаться здесь.

Слова ударили точнее Радановского требования.

— Я выбираю тебя, потому что ты замечаешь чернила и считаешь запасы лучше меня.

— Тогда спроси.

Велена заставила себя выдержать паузу. Вокруг стояла вся Заводь, Савер ждал, Радан злился, книга могла снова исчезнуть. Но честный обмен не становился менее честным от спешки.

— Дара, ты согласна поехать на южный склад с цеховым писарем, проверить путевые ведомости и вернуться к завтрашнему полудню? Риск — дорога ночью, люди Савера и отсутствие права забрать книгу. Польза — увидишь запись сама. Лечебница останется на мне и Леме. Плата тебе — не благодарность и не послушание. Я возьму две твои ночные смены после возвращения и передам тебе право первой решать, что делать с найденной записью. Срок — до завтрашнего полудня. Можешь отказаться.

Дара смотрела на неё долго. Потом спросила:

— Если я решу, что запись надо огласить, даже если она против твоей матери?

— Огласим.

— Если решу, что надо оставить копию у Олесья?

— Обсудим с ним, но моё первое слово будет «да».

— Не то.

Велена поняла.

— Да. Оставим копию, если он согласится хранить её открыто.

Дара кивнула.

На чаше весов, стоявшей возле ларца, сама собой дрогнула стрелка. Не вспыхнула, не зазвенела — просто остановилась ровно посередине.

— Согласна, — сказала Дара.

Люди зашептались. Они увидели не чудо, а вещь более редкую: цену, названную до согласия.

Савер смотрел на весы. На его лице мелькнуло что-то похожее на голод.

— Красиво, — произнёс он.

— Просто, — ответила Велена.

— Простота одной сделки оплачена сложностью сотни других. Пока вы обсуждали две ночные смены, мой обоз ждёт решения по соли.

— Пусть тот, кто повезёт соль, узнает цену до дороги.

— А если откажется?

— Поедет другой, который согласится.

— А если никто?

— Значит, цена слишком высока или предмет нужен не так сильно, как вы говорите.

Савер покачал головой.

— Вы можете позволить себе такую чистоту только потому, что кто-то до вас соглашался на грязь.

Велена посмотрела на пустые мешки. Он был прав в одном: зерно действительно пришло. Люди действительно выжили. Нельзя было зачеркнуть хлеб только потому, что счёт за него составили дурно. Но и хлеб не давал права дописывать цену после чужого знака.

— Тогда отделим одно от другого, — сказала она. — Зерно было. За него надо заплатить то, что обещала Меланья и что принял Тверд. Моё детство не было обещанием. Семь сборов были. Отдельное лечение Тверда было. Найдём остаток, если он есть. Но не называйте спасением право владеть годами человека, который ждал за дверью.

Савер открыл рот, однако ответить не успел.

На втором пустом мешке проступило тёмное пятно. Оно расплзлось по ткани снизу вверх, складываясь в очертание ладони. Затем такая же ладонь появилась на третьем мешке, четвёртом, пятом. Семь знаков, один за другим.

У Велены свело подбородок. Она коснулась лица и почувствовала под пальцами новую твёрдость: чужая ямка растянулась, нижняя челюсть словно стала шире.

Радан улыбнулся.

— Книга ответила.

— Нет, — сказал Савер.

Впервые его голос прозвучал испуганно.

Белые шрамы на руках старшины налились кровью. На ладони лопнула кожа, и капля упала на медную полосу ларца. Замок щёлкнул сам собой.

Книга раскрылась не на записи Меланьи, а несколькими листами дальше. Ветер перевернул страницу. Под ней лежала узкая полоска чёрной ткани с печатью младшего весовщика.

Савер прижал её ладонью, но Олесь успел прочитать верхнюю строку.

— «Исполнение принято полностью».

Радан толкнул его.

— Ты не видел имени.

— Зато старшина видел.

Все взгляды обратились к Саверу. Кровь текла между его пальцами, впитываясь в страницу. Он мог убрать руку и показать запись. Мог продолжать держать её, оплачивая скрытое телом.

— До завтра, — повторил он.

— Чьё исполнение? — спросила Велена.

— Полоса относится к другому обмену.

— Тогда покажите имя.

— Книга закрыта.

— Она сама открылась.

— Книга не сторона. Она хранит след силы.

— Вчера вы говорили, что книга и долг — одно и то же.

Савер посмотрел на неё. Его лицо оставалось спокойным, но кровь уже дошла до запястья.

— Я ошибся, — сказал он.

Толпа стихла сильнее, чем после крика. Старшина обменов признал ошибку, но не ту, которой от него ждали.

Он убрал ладонь. На чёрной полосе проступили слова, размытые кровью: «Меланья Рудь. Седьмой сбор. Исполнение принято полностью по траве и лечению дома Лозанов». Ниже стоял знак младшего весовщика Савера Края.

Велена не почувствовала облегчения. Чужая челюсть всё ещё тянула её лицо вниз. Полное исполнение лежало в книге двадцать четыре года, а долг продолжал жить. Значит, его держала не забытая цена.

Его держало что-то ещё.

Савер вырвал полоску из крепления.

Олесь схватил его за запястье.

— Не смейте.

Радан шагнул к ним, но Дара опередила его. Она прижала к записи чистый лист и провела углём прежде, чем Савер успел отдёрнуть ткань. На бумаге отпечатались имя, седьмой сбор и знак старшины.

— Теперь можете спрятать, — сказала она.

Савер посмотрел на копию в её руках. Потом — на свою кровоточащую ладонь.

— Писарь выедет на южный склад через четверть часа, — произнёс он. — Дара едет с ним. До возвращения никто не касается книги.

— Книга остаётся на площади, — сказал Олесь.

— В цеховом доме.

— Тогда я остаюсь снаружи двери.

— Оставайтесь.

Радан потянулся к копии.

— Это имущество нашего дома.

Дара отступила.

— Это свидетельство об исполнении, которое ваш дом почему-то не получил.

— Дай посмотреть.

— Посмотришь вместе со всеми, когда вернусь.

Радан повернулся к Саверу.

— Я принимаю долг сейчас. Книга законна, Велена названа, черты подтверждают право. Савер перевязал ладонь полосой ткани. Его ответ прозвучал глухо:

— Принятие отложено.

— Вы сами меня вызвали.

— Я вызвал наследника для честного остатка. Теперь остаток неизвестен.

— Но утром вы знали запись.

— Утром я знал не всю книгу.

Олесь отпустил его руку.

— Вы поставили знак под полным исполнением.

— Поставил.

— И забыли?

Савер поднял на него глаза.

— Нет.

Одно слово оказалось тяжелее всей речи о голодном годе.

Старшина закрыл ларец и сам унёс его в цех. Писари собрали весы. Семь пустых мешков остались на площади, и тёмные ладони на них медленно бледнели.

Дара свернула угольную копию и спрятала под рубаху.

— Возьму дорожную сумку, — сказала она Велене. — Лема знает, где запас жаропонижающего. Не отдавай Рададу ничего до моего возвращения.

— Я не ребёнок.

— Именно это мы сегодня и доказали.

Велена хотела велеть ей быть осторожной, не спорить с писарем, не ехать быстро на спуске. Слова уже поднялись к горлу, привычные и заботливые. Она проглотила их.

— Что тебе нужно в дорогу?

— Тёплый плащ, две лепёшки, фляга и право самой решить, когда повернуть назад.

— Согласна.

Дара коснулась её плеча и ушла к лечебнице.

Велена осталась между двумя братьями Лозанами. Олесь смотрел на закрытую дверь цеха. Радан — на её изменившийся подбородок.

— Черта всё равно появилась, — сказал он. — Значит, вы должны.

— Или кто-то держит закрытым уже исполненный обмен.

— Лицо не лжёт.

— Лицо показывает, что сила работает. Не то, кто сказал ей правду.

Она произнесла это и впервые услышала в собственном голосе Тверда. Низкая нота легла под словами, чужая и холодная. Радан удовлетворённо кивнул, будто получил ещё одно доказательство. Олесь отвернулся.

Велена подошла к первому мешку и подняла камень, прижимавший край. Мешок упал, показав пустое нутро.

За ним второй, третий, все семь.

Она не отрицала зерно. Не отрицала голод и труд людей, которые провели обоз через три границы. Она отрицала только пустоту, выставленную как цена её жизни.

За дверью цеха что-то тяжёлое с грохотом упало. Савер вскрикнул. Когда писарь дёрнул ручку, дверь не открылась.

На медной накладке проступила белая ладонь — такая же, как шрамы старшины.

Скрытое условие снова искало тело посредника.

Глава 6. Чужой подбородок

Дверь цеха открыли топором.

Рубить пришлось не замок, а косяк: медная накладка с белой ладонью не поддавалась ни ключу, ни огню. Каждый удар отзывался в Велениной челюсти. Она стояла в стороне, придерживая подбородок ладонью, и слышала собственные зубы.

Когда доска треснула, из дома вынесли молодого писаря. Его руки были целы, но он не мог разжать пальцы. Савер вышел сам. Кровь на его повязке высохла, лицо посерело. За ним два помощника тащили ларец с книгой.

— Куда? — спросил Олесь.

— В каменную кладовую.

— Мы договорились, что книга останется здесь.

— Здесь она и останется. В кладовой нет второго выхода.

— Зато есть ваши люди.

Савер остановился.

— Можете сидеть у двери, как обещали.

— Сяду.

Радан хотел пройти следом, но старшина загородил ему путь.

— До возвращения Дары право не принимается.

— Вы позволяете девчонке управлять долгом нашего дома?

— Я позволяю свидетелю привезти ведомость.

— В книге уже всё есть.

— Именно поэтому мы оказались внутри запертой двери.

Савер сказал это достаточно тихо, чтобы услышали только стоявшие рядом. Радан покраснел. Олесь сел на перевёрнутый пустой мешок у входа в кладовую.

Велена вернулась в лечебницу одна. Лема осталась на площади следить за книгой вместе с Олесем, а Дара уже уехала на южный склад. Две ночные смены, обещанные в плату, начнутся потом. Пока Велена снова распоряжалась домом, но впервые остро чувствовала: временно.

У калитки ждали трое.

Старик Корней держал за локоть жену, у которой опухло колено. Рядом молодой возчик прижимал к груди порезанную руку. Третьей была Мила, пекарева сестра, с двухлетней дочерью на руках.

— Долго ждёте? — спросила Велена.

Корней вздрогнул.

— А ты кто?

Она решила, что он шутит. Потом увидела, как его взгляд метнулся к двери, и поняла: не узнал.

— Велена.

Старик прищурился.

— Голос не её.

— Мой голос.

— У Велены мягче.

Жена дёрнула его за рукав.

— Подбородок другой, — прошептала она.

Возчик отступил на шаг. Мила крепче прижала ребёнка.

Велена могла назвать имена, перечислить старые недуги, напомнить, кто чем платил. Могла доказать себя знанием, как должник доказывает право печатью. От этой мысли стало дурно.

— Я Велена Рудь, — повторила она. — Сегодня лицо изменилось сильнее. Вы видели меня вчера на площади.

— Издали, — сказал Корней.

— Она это, — буркнула жена. — Кто ещё будет стоять у её двери?

— Тверд тоже у этой двери стоял.

Имя умершего легло между ними.

Мила первой ушла. Не побежала, не оправдывалась. Просто развернулась с ребёнком и пошла к дороге.

— У девочки что? — окликнула Велена.

— Ничего.

Ребёнок кашлянул у неё на плече.

— Мила, кашель влажный или сухой?

— Я к крепости схожу.

— До крепости три часа.

— Зато лекарь там со своим лицом.

Велена не нашла ответа. Мила вышла за калитку.

Возчик посмотрел на кровь, уже пропитавшую тряпицу.

— Мне только промыть.

— Входи.

Корней с женой остались снаружи. Велена провела возчика к столу, сняла повязку. Порез оказался длинным, но неглубоким. Она налила кипячёную воду, достала чистое полотно.

— Чем порезался?

— Ободом.

— Ржавчина была?

— Была.

— Когда?

— С час назад.

Он отвечал, не глядя на неё. Когда Велена протянула руку, возчик дёрнулся.

— Что?

— Ничего.

— Ты думаешь, я причиню вред?

— Я не знаю, кто сейчас смотрит вашими глазами.

— Глаза пока мои.

— Пока.

Она промыла рану обычной водой. Для заживляющего настоя требовался обмен, но сегодня Велена не хотела произносить условия одна. Дара была в дороге, а их вчерашнее равное согласие касалось дел лечебницы. До сих пор они не решили, какие малые лечения каждая вправе совершать без второй.

Раньше Велена считала бы вопрос смешным. Больной сидел перед ней — значит, лечить надо сейчас. Но именно из таких очевидных решений вырастали чужие обещания.

— Могу наложить чистую повязку без платы, — сказала она. — Или приготовить настой, который ускорит заживление. За него ты починешь одну доску у сушильни до первого дождя. Доску и гвозди даёт лечебница. Если не согласен, повязки хватит, но руку придётся беречь дольше.

Возчик поднял взгляд на её подбородок.

— А если Дара не согласится?

— Хороший вопрос.

Она произнесла это с досадой на себя. Пациент услышал досаду и снова отстранился.

— Возьму повязку.

— Возьми.

Она перевязала руку. Он оставил на столе медную пуговицу.

— Я сказала без платы.

— Не хочу быть обязанным.

— Тогда заberi пуговицу. Иначе ты сам создаёшь цену, которую мы не назвали.

Возчик забрал её двумя пальцами и ушёл.

Корней с женой исчезли от калитки. На лавке лежал пучок лука — вероятно, принесённая плата. Велена подняла его, догнала стариков у колодца.

— Вы забыли.

Корней не взял.

— Оставь за ожидание.

— Я ничего не сделала.

— Мы заняли место у двери.

— За место у двери не платят.

— У цеха платят.

— Это не цех.

Старуха смотрела на неё с болью и стыдом.

— Колено переживу, — сказала она. — Ты лицо сначала верни.

— А если не верну?

Слова вырвались прежде, чем Велена успела удержать. Женщина опустила глаза.

— Тогда привыкнем, наверное.

Они ушли, не взяв лук.

В лечебнице было слишком тихо. Велена поставила пучок на порог, чтобы хозяева могли забрать незаметно. Потом подошла к медному блюду.

Она не смотрелась в него со вчерашнего утра. Теперь вода показала широкую нижнюю часть лица, которой раньше не было. Ямка стала глубокой, губа казалась тоньше. Даже шея держала голову иначе, будто чужая кость тянула её вперёд.

Велена сказала своё имя.

Низкая нота Тверда ответила со дна блюда.

Она вылила воду.

До полудня никто больше не пришёл. Велена перебрала корни, поставила кипятиться ткань, дважды вышла проверить дорогу. Дара должна была вернуться ночью или утром, если южный склад действительно находился там, где говорил Савер.

После полудня явился Радан.

Он вошёл без стука, снял перчатки и положил на стол семейную печать Лозанов.

— Уходите, — сказала Велена.

— Я за лечением.

— Что у вас болит?

— Пока ничего.

— Тогда вы не за лечением.

— Я хочу проверить книгу.

— Книга в цехе.

— Проверить долг телом.

Он сел и закатал рукав. На предплечье белел старый ожог.

— Дед получил его в голодный год, — сказал Радан. — Огонь на зерновом складе. Шрам перешёл отцу, потом мне. Не лицо — обычное наследство крови. Наш дом тоже платил.

— Я не отрицала.

— Тогда дайте сердечные капли по старой цене. Если настой сработает без новой платы, долг жив.

— У вас не болит сердце.

— Вы не можете знать.

— Могу послушать.

— Слушайте.

Велена не двинулась.

— Лекарство не проба для книги. Капли могут навредить здоровому человеку.

— Значит, отказываетесь исполнить записанное.

— Я отказываюсь травить вас ради доказательства.

Радан улыбнулся. В этой улыбке Тверд был узнаваем больше, чем в складке.

— На площади сказали, что пациенты уходят от вашего лица.

— Площадь говорит быстро.

— К вечеру скажет, что вы разучились лечить. Цех лишит вас ремесленного знака, и тогда все запасы перейдут тому, кто сможет выполнять долг. Даре, например.

Велена почувствовала страх раньше, чем поняла угрозу. Не за себя — за то, что Дара снова окажется ценой чужого решения.

— Дара не наследовала моего долга.

— Она наследница лечебницы.

— По её согласию, не по вашей книге.

— Вы сами называете её равной. Равный получает и права, и обязанности.

— Только те, которые принял.

Радан взял печать и встал.

— Тогда докажите, что лечить ещё можете. Сегодня вечером я приведу троих свидетелей.

Вы приготовите сердечные капли по дедовой записи.

— Нет.

— Отказ услышали стены.

— Стены не стороны.

— Зато люди поверят стенам, если перестанут узнавать ваш голос.

Он ушёл.

Велена заперла дверь. Только после этого заметила, что сжимает пестик так сильно, что ногти впились в ладонь. Радан не хотел капель. Он хотел, чтобы она согласилась лечить дом Лозанов, и любое лечение назвал бы первым годом службы.

На полке лежали домашние счётные тетради. Дара просила открыть их ещё после появления имени Меланьи на столбе. Велена обещала, но каждый раз находила срочное дело. Тетради содержали не только меры трав. Там были её решения: кому она простила плату, у кого взяла больше на зимний запас, чью помощь считала семейной и поэтому не записывала.

Она сняла первую тетрадь.

На обложке стоял год смерти мужа. Внутри рука Дары появлялась возле каждой третьей строки: «получено», «высушено», «испорчено сыростью». Решения писала Велена.

«Кузнецу — мазь за две подковы».

Дара позже приписала: «Подковы не нужны, лошадь продана».

«Миле — сбор от кашля без платы».

Рядом: «Мила три недели носила воду, считать или нет?»

Ответа Велены не было.

В следующей тетради она нашла запись о Дариных ночных дежурствах. Девочка — тогда ещё семнадцатилетняя — просидела у больного мельника шесть ночей. Велена записала плату за лечение в общий запас и ни словом не отметила, кто отдал время.

Чужой долг сидел не только в цеховой книге.

Он начинался там, где один человек считал чужой труд продолжением своего.

В дверь постучали. Велена вздрогнула, спрятала тетрадь, потом разозлилась на себя и положила обратно на стол.

За дверью стояла Мила с дочерью. Девочка дышала часто, щёки покраснелись.

— Крепостной лекарь уехал на северный пост, — сказала Мила. — Там принимают только через цех.

— Входите.

Мила не переступила порог.

— Ты точно Велена?

— Да.

— Скажи, чем лечила меня после родов.

— Я не стану выкрикивать твою болезнь на улице.

— Значит, не помнишь.

Велена заставила себя не обижаться. Перед ней была мать с горячим ребёнком.

— У тебя три дня не отходило детское место. Я послала за крепостной повитухой, а до её прихода давала воду с солью и тёплый отвар крапивы. Ты заплатила потом мукой, хотя я просила только помочь вымыть пол. Достаточно?

Мила побледнела.

— Достаточно.

Она вошла.

У девочки был влажный кашель, но дыхание оставалось чистым. Жар невысокий. Велена послушала грудь, осмотрела горло, дала тёплой воды.

— Опасных признаков сейчас нет. Будем пить часто, проветривать, следить за дыханием. Если втянется кожа между рёбрами, посинеют губы или она перестанет пить — сразу на северный пост, хоть ночью.

— А трава?

— Можно дать мягкий настой, чтобы легче откашливалось. Без магии.

— Почему без?

— Потому что Дары нет, а мы не определили, кто вправе назначать плату от общего дома.

Мила уставилась на неё.

— Ты всегда назначала.

— Всегда — не значит правильно.

— Ребёнку плохо сейчас.

— Обычный настой поможет сейчас. Магия не заменяет воду, воздух и наблюдение.

— А если станет хуже?

— Тогда позовёшь меня. Я приму решение о срочной помощи и запишу его как своё, не Дарино.

— Чем платить?

— За сегодняшнее — ничем. Завтра, когда Дара вернётся, договоримся о будущем запасе, если обе стороны захотят.

Мила прищурилась.

— Без платы лекарство не действует.

— Магическое — не действует. Обычная трава действует своим соком. Не вся помощь обязана светиться, чтобы быть помощью.

Велена приготовила настой. Руки помнили меру, но низкий голос мешал. Когда она считала капли вслух, собственные числа казались чужими. На двадцать третьей она сбилась.

— Ты всегда клала двадцать, — сказала Мила.

Велена остановилась.

Для взрослого было двадцать три. Для ребёнка этого возраста — двадцать. Она знала. Но голос Тверда произнёс число так уверенно, что рука продолжила движение.

Велена вылила настой.

— Что ты делаешь?

— Считаю заново.

— Ты ошиблась?

— На три капли.

Мила схватила дочь.

— Я уйду.

— Имеешь право. Но сначала дай ей воды.

— Ты бы не ошиблась раньше.

— Ошибалась. Просто не всегда замечала.

Это было самое страшное признание, какое Велена делала пациенту. Мила стояла у двери, разрываясь между страхом перед чужим лицом и дорогой без лекаря.

Велена поставила на стол две пустые чашки.

— Я приготовлю заново. Ты будешь считать со мной. Каждую каплю вслух. Потом запишем число на бумаге. Если не захочешь давать — не дашь.

— Я не травница.

— Чтобы сосчитать до двадцати, не надо быть травницей.

Они считали вместе. На этот раз Велена молчала, а Мила называла числа. Двадцать капель упали в воду. Девочка выпила половину и уснула у матери на руках.

— Это не магия? — спросила Мила.

— Нет.

— Тогда почему я спокойнее?

— Потому что ты знаешь, что мы сделали.

Мила осталась до вечера. Жар не поднялся, дыхание не ухудшилось. Перед уходом она забрала пучок лука с порога — узнала свой.

— За ожидание всё-таки возьму, — сказала Велена. — Утром вернёшь Корнею. Это его.

Мила впервые улыбнулась.

— Значит, лицо не всё перепутало.

После заката вернулась Лема. Олесь продолжал сидеть у кладовой, Савер никого не впускал в цех. Радан ходил по дворам и показывал семейную печать.

— Говорит, ты уже признала первый год, когда лечила его деда, — сообщила Лема.

— Я брала отдельную плату.

— Люди помнят капли, а воск не помнят.

— В тетради записано.

Велена нашла нужный год. Сердечные капли Тверду повторялись пять раз. Напротив четырёх стояли воск и спирт. У пятой строки оплаты была пуста.

— Вот и признание, — сказала Лема.

— Нет. Может, он заплатил позже. Может, мать приняла. Может, я простила.

— А может, ты исполнила старую цену.

— Я о ней не знала. Честный обмен не работает без знания.

— Но черта пришла.

— Значит, кто-то заставил работать нечестный.

Они перебрали ещё две тетради. Пятой платы не нашли. Зато нашли Дарины ночные смены, незачтённую воду Милы, три случая, когда Велена обещала травы от общего дома, не спросив Дару. Ни один долг не менял лица. От этого они не становились честнее.

— Покажи ей всё, — сказала Лема.

— Покажу.

— Не выбирай хорошие страницы.

— Всё.

Ночью Велена работала одна. Она разложила тетради по годам, к каждой приложила чистый лист для спорных строк. На первом написала: «Кто трудился». На втором: «Кто назвал цену». На третьем: «Кто согласился». Раньше ей хватало двух столбцов — получено и отдано. Теперь между ними появились люди.

Под утро дверь распахнулась.

Дара вошла в дорожной грязи, без шапки, с порванным рукавом. Следом появился цеховой писарь. У него под глазом наливался синяк. Он прижимал к груди связку дощечек.

— Вас ограбили? — спросила Велена.

— Он пытался сжечь ведомость, — ответила Дара.

— Она столкнула меня с телеги!

— Телега стояла.

— Вы ударили цехового служащего.

— Я вытащила бумагу из жаровни. Ударился ты сам.

Дара положила на стол обгоревший лист. В нём сохранилась середина списка: имена Меланьи и Велены, два отдельных мешка, один день приёмки. Возле имени Меланьи стояло «седьмой и последний». Возле имени Велены — «учебный сбор, собственность собирательницы, принят за соль».

— Твой мешок не был частью долга, — сказала Дара. — Его купили отдельно.

Велена коснулась листа, но не взяла.

— Ты решила огласить?

— Да. И копию отдать Олеся.

— Тогда сделаем.

Дара заметила тетради.

— Что это?

— Все домашние счета за пять лет.

— Почему открыты?

— Потому что ты была права.

— В чём именно?

— Я называла лечебницу общей, но решения считала своими. Твой труд записывала как труд дома. Обещала запасы, которые ты собирала. Прощала чужую плату и считала, что доброта оплачивается только мной.

Писарь неловко переступил у двери.

— Мне надо отнести ведомость старшине.

— Подождёшь снаружи, — сказала Дара.

— Я не обязан.

— Тогда иди один. Подлинник остаётся у нас до публичного чтения.

Писарь посмотрел на обожжённый край и вышел.

Дара сняла плащ. Она была слишком устала, чтобы торжествовать.

— Ты открыла счета потому, что меня не было?

— Потому что без тебя я чуть не дала ребёнку лишние капли.

Дара замерла.

— Кому?

— Дочери Милы. Я заметила, вылила и приготовила заново. Мила считала со мной.

— Из-за лица?

— Из-за голоса. Или из-за бессонницы. Или просто ошиблась. Неважно. Важно, что одна пара рук не должна быть последней проверкой.

Дара села и открыла первую тетрадь.

— Ты хочешь, чтобы я проверяла дозы?

— Я хочу, чтобы мы разделили право. Малое срочное лечение каждая может назначить сама, но записывает в тот же день. Обмен из общих запасов — только после согласия обеих, кроме угрозы жизни. При угрозе жизни лечим сразу, цену не назначаем за больного. Потом решаем, как пополнить запас всем домом.

— А если мы не согласны?

— Используем обычное средство без обменной силы или зовём третьего человека, которого обе признаем.

— Кого?

— Лему для запасов. Крепостного лекаря для доз. Олеся — никогда.

Дара фыркнула. Потом стала серьёзной.

— Я хочу ключ от большого шкафа.

— Сделаем второй.

— Нет. Один ключ у меня, один у тебя. И список выдачи возле двери.

— Согласна.

— Я хочу видеть старые счета матери, если найдём.

— Согласна.

— И если твоё лицо изменится так, что ты начнёшь путать запахи или цвета, я имею право остановить лечение.

Последнее условие далось труднее остальных. Велена посмотрела на свои руки. Они оставались её руками. Пока.

— Имеешь. Но должна назвать, что именно заметила.

— Назову.

— А я имею право потребовать вторую проверку у лекаря.

— Да.

— Срок?

— Пока обе не отменим и не договоримся заново.

Они пожали руки над раскрытыми тетрадями. По страницам прошелестел ветер, хотя дверь была закрыта. Чернила на спорных строках не исчезли. Ничего не исправилось само. Но пустые места перестали притворяться счётом.

Дара достала из кармана маленькое дорожное зеркало и поставила перед Веленой.

— Теперь посмотрим вместе.

— Я уже видела.

— В воде. Вода дрожит.

В стекле чужой подбородок был ещё заметнее. Зато рядом отражалось лицо Дары — грязное, усталое, своё.

— Назови, что изменилось, — сказала она.

Велена перечислила: ямка глубже, челюсть шире, голос ниже, при счёте трудно узнавать собственный звук. Дара записала каждое изменение на чистом листе.

— Что осталось?

Велена хотела ответить: всё остальное. Но это было бы слишком легко.

— Я помню людей. Различаю запахи. Руки держат меру. Я могу остановиться после ошибки. И могу отдать тебе ключ.

Дара кивнула.

С площади ударили в медный лист. Савер созывал жителей к книге.

Велена закрыла тетрадь, но не убрала её в шкаф.

— Пойдём? — спросила она.

— Сначала ключ.

Они сняли большой ключ с Велениного пояса. Дара взвесила его на ладони и спрятала у себя.

Только тогда лечебница стала общей не на словах.

Глава 7. Лекарство, которое лжёт

Медный лист на площади ударил трижды, но к книге Велена не дошла.

После второго удара со стороны нижней улицы закричали. После третьего в лечебницу вбежал мальчишка с мукой на ресницах и схватил Дару за рукав.

— Дядька Нестор упал у пекарни. Его рвёт, и ноги не держат.

Дара уже снимала ключ с шеи.

— Что ел?

— Пирог пробовал. Только не наш. Привозной.

— Кто ещё ел?

— Кошка. Она лежит.

Велена взяла лекарскую сумку. Дара потянулась к большому шкафу, потом остановилась: по их новому уговору открыть общий запас они должны были вместе.

— Уголь, соль, сушёный рогоз, — сказала Велена. — И красную склянку со рвотным корнем. Без обменной силы.

— Красная почти пуста.

— Значит, возьми всю.

Они повернули ключи одновременно. Согласие не загло ни одну метку на полках и не согрело замок. Обычный запас оставался обычным. Велена впервые обрадовалась этому.

У пекарни пахло подгоревшим тестом и кислой рвотой. Нестор лежал на боку между лотком и стеной, тяжёлый, багровый, с мокрыми от пота волосами. Пальцы его скребли землю. Пекарь отгонял людей лопатой, а его жена плакала над серой кошкой.

— Не трогайте пирог! — крикнула Велена. — Кто продал?

— Возчик с западной дороги, — ответил пекарь. — Нестор сказал, начинка горчит. Потом язык онемел.

Велена опустилась на колени. Нестор дышал коротко, с хрипом. Зрачки были широкими, во рту собиралась слюна. На губах остались жёлтые крошки.

— Болиголов, — сказала Дара.

— Или вех. Подними ему подбородок. Нет, не так, пусть слюна вытекает.

Они дали Нестору тёплую воду с рвотным корнем. Он проглотил совсем мало, закашлялся и отвернул голову. Велена попробовала ещё раз. Горло уже не слушалось.

— Где возчик? — спросила Дара.

— Уехал, — сказал кто-то.

— Когда?

— Как Нестор упал.

Велена нащупала пульс. Сердце билось часто, но каждый удар становился слабее. Обычные средства могли вывести остаток яда из живота, если человек ещё глотал. Нестор не глотал.

— Нужна синяя соль, — сказала она.

Пекарь побледнел.

— Она у цеха.

Синюю соль привозили из Горного союза в запаянных глиняных горшках. Щепоть, растворённая с горьким молоком, вытягивала растительный яд из крови. Без обменной силы средство действовало медленно, за полдня. При честно названной цене — за несколько вдохов.

Нестор едва ли имел несколько вдохов.

— Несите его в лечебницу, — велела Велена. — На двери, не на руках. Держите голову набок.

— Цех ближе, — сказал пекарь.

— Там нет лежанки.

— Зато соль там.

С площади уже бежала девушка в белом цеховом переднике. Велена видела её утром возле ларца, но имени не знала. Девушка держала перед собой небольшой синий горшок и ступала осторожно, словно несла огонь.

За ней шёл Савер.

Его левая рука была перевязана свежим полотном. Правой он поддерживал ларец с книгой, прижимая его к боку.

— Одна щепоть на кружку молока, — сказал он. — Потом уголь. Запас проверен.

— Цена? — спросила Дара.

Савер посмотрел на Нестора.

— Сначала спасём.

— Цена? — повторила Велена.

— Запись общая. За прошлогоднюю поставку деревня обязалась дать цеху двадцать телег известняка до первых заморозков. Четырнадцать доставлены. Осталось шесть.

— Нестор знал?

— Он возил вторую и пятую.

— Знал про шесть оставшихся?

— Знал про общий срок.

— Кто принимает плату?

— Цех.

— Срок?

— Первые заморозки. Все три условия названы.

Слова звучали чисто. Слишком чисто после запертых дверей, вырезанных страниц и дописанных лекарских лет.

Девушка протянула горшок Велене.

— Я свидетель выдачи, — сказала она. — Лися Ворн, младшая ученица.

Ей было не больше девятнадцати. На запястье белела узкая цеховая лента без старшинской каймы. Пальцы дрожали, но взгляд она не отводила.

— Ты знаешь предмет, цену и срок? — спросила Велена.

— Синяя соль. Шесть телег известняка. До первых заморозков.

— Это всё?

Лися ответила не сразу.

— Всё, что велено назвать.

Савер резко повернул голову.

Велена услышала разницу. Не всё, что записано. Не всё, что известно. Всё, что велено назвать.

Нестор захрипел. Его пятки ударили по земле.

— В лечебницу, — приказала Велена.

Мужчины подняли дверь. Савер пошёл рядом.

— Если вы задержите средство ради допроса, — сказал он, — скрытой цены не понадобится. Человек умрёт от вашей осторожности.

— А если дадим, не зная цену, кто заплатит?

— Известняк существует. Срок не прошёл. Сделка исполнима.

— Кто заплатит сейчас?

— Те, кто должен.

Лися несла горшок обеими руками. На синей глазури был выдавлен знак двух чаш. Под большим пальцем девушки темнело маленькое пятно, будто она коснулась горячего котла.

В лечебнице Нестора переложили на лавку. Дара разрежала ворот рубахи и поставила греться молоко. Велена растёрла уголь, велела всем лишним выйти. Остались пекарь, Савер, Лися и Олесь, прибежавший с площади.

— Книга? — спросила Велена.

Савер поставил ларец на пол.

— Полная запись в ней.

— Откройте.

— Ключ у писаря.

— Писарь был с Дарой.

— Он вернулся в цех.

— Пошлите за ним.

— Нестор не дожждётся.

В этом Савер был прав. Пульс под пальцами Велены провалился, потом вернулся двумя быстрыми толчками.

Она сорвала глиняную печать с горшка. Запах был правильным: камень после грозы и чуть-чуть горького миндаля. Под крышкой лежал сложенный вчетверо лист.

Савер шагнул к столу.

Дара первой прижала бумагу ложкой.

— Не трогать.

— Это опись.

— Тогда прочтём.

Лист был покрыт мелкими строками. Наверху значились двадцать телег известняка и срок. Ниже шли имена двенадцати возчиков, среди них Нестор. Ещё ниже, почти у сгиба, другим почерком было написано: «Недостачу телег возмещают дни обжига. Один день за меру соли. Срок работы назначает держатель печати».

— Он этого не знает, — сказала Велена.

Пекарь заглянул через её плечо.

— Никто не знает. Мы думали, шесть телег доведём после жатвы.

— Дни обжига не понадобятся, если доведёте, — сказал Савер.

— Тогда зачем строка?

— На случай срыва.

— Срок работы назначаете вы. Значит, срока нет.

— Есть срок телег.

— Для известняка. Не для обжига.

Нестор перестал биться. Тишина оказалась страшнее хрипа.

Велена насыпала щепоть соли в молоко.

— Ты же сказала, условие скрыто, — прошептала Дара.

— Сказала.

— Если дашь, цена пойдёт через посредника.

— Если не дам, он умрёт.

Лися поставила ладони на край стола.

— Я назову ему строку.

— Он не слышит, — сказала Дара.

— Услышит потом.

— Знание потом не делает согласие прежним.

Савер взял кружку.

— Достаточно того, что условие знает деревня.

Велена перехватила его запястье.

— Деревня не человек. Отпустите.

— Выбирайте быстрее.

Он не пытался вырваться. Смотрел на неё устало, почти с жалостью. Будто этот выбор он уже делал много раз и знал, что в конце руки всё равно окажутся грязными.

Велена разжала пальцы.

— Дара, записывай. Мы берём одну щепоть синей соли, чтобы вывести яд из Нестора. Не принимаем вместо него и деревни скрытое условие о днях обжига. Не признаём бессрочную цену. Обязуемся после его спасения вернуть цеху одну равную щепоть чистой синей соли или назвать другую цену, которую обе стороны примут свободно. Срок — до первого снега, не заморозка. Свидетели слышат?

— Слышу, — сказал Олесь.

— Слышу, — сказал пекарь.

Дара написала условие крупно, без сокращений.

— Цех не согласен, — произнёс Савер.

— Тогда это не обмен с цехом. Мы берём средство без вашего согласия ради жизни и признаём, что должны вернуть вещь. Магии в нём не будет. Но человеку достанется сама соль.

— Обычная соль не успеет.

— Знаю.

— Значит, вы всё-таки рассчитываете на старую запись.

Велена посмотрела на Лисю.

Девушка побелела. Тёмное пятно под её большим пальцем выросло до ногтя.

Скрытая запись уже искала тело, через которое сможет притвориться согласием.

— Лися, отойди от горшка, — сказала Велена.

— Я должна свидетельствовать выдачу.

— Кому должна?

— Цеху.

— За какую цену?

— Ученикам не назначают цену за службу.

— Тогда почему ты служишь?

Лися моргнула.

— Меня учат счёту, письму, мерам трёх земель.

— Сколько лет?

— Пока не выдержу испытание.

— Когда испытание?

— Когда старшина сочтёт готовой.

Савер закрыл глаза.

— Не сейчас, Велена.

— Именно сейчас. Она посредница. Срок её службы не назван.

— Если девочка уйдёт, соль не станет чище.

— Зато перестанет жечь её.

Лися отняла руки от стола. Пятно не исчезло. Оно поднялось по пальцу тонкой красной полосой.

Велена поднесла кружку к губам Нестора. Челюсть мужчины была сведена. Дара вставила между зубами обёрнутую тканью ложку. По капле они влили молоко за щёку. Часть вытекла, часть ушла внутрь.

Соль отозвалась сразу.

По кружке прошёл синий свет, слабый и чистый, как небо перед рассветом. Нестор выгнулся. Из груди вырвался первый глубокий вдох.

Лися вскрикнула.

На её ладонях вздулись прозрачные пузыри. Кожа покраснела так быстро, будто девушка ухватила за раскалённую дверцу печи.

Дара бросила кружку и подхватила её под локти.

— В воду!

Велена окунула Лисины руки в таз. Вода зашипела. Не от жара — от магии: по поверхности пробежали синие жилки и собрались возле пальцев.

Нестор снова вдохнул. Потом ещё раз.

Лися закусила губу, но не закричала. На её запястьях проступали тонкие белые линии, те же, что Велена видела у Савера.

— Вы знали, — сказала Велена.

Савер смотрел не на неё, а на руки ученицы.

— Знал, что выдача требует свидетеля.

— Вы знали, чем он платит.

— Иногда — жаром. Иногда онемением. Обычно след проходит за день.

— Обычно?

— Скрытое условие берёт разное. По весу вещи.

— По весу лжи, — сказала Дара.

Савер не ответил.

Велена проверила Нестора. Пульс стал ровнее. Зрачки начали сужаться. Средство работало быстро — значит, магия приняла старую запись, несмотря на её новый уговор. Не согласие Нестора и не согласие цеха делало её сильной. Сила шла через Лисю, которая знала приказ, но не знала собственной цены.

— Уберите печать с горшка, — сказала Велена.

— Она уже сорвана, — ответил Олесь.

— Не глиняную. Цеховую ленту на Лисе.

Девушка прижала локти к бокам.

— Без ленты я не ученица.

— С лентой ты сейчас горишь.

— Я семь лет добивалась места.

— Сколько тебе обещали учиться?

— Три года.

— Сколько прошло?

— Четыре.

Савер поднял голову.

— Зимой она болела. Пропустила испытание.

— А весной?

— Не хватило точности в горных мерах.

— Летом?

— Не вам решать готовность цехового писаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.